

Наталья Косухина

Корпорация Лемнискату
И НАЧНЕТСЯ
ОТСЧЕТ

Annotation

Они — творцы, способные менять направление развития человеческой цивилизации и служащие интересам корпорации Лемнискату. Время для них не преграда, а инструмент, который они используют в своих интересах. Их стараниями предотвращены Октябрьская революция и Первая мировая война, а Российская империя является процветающим глобальным государством.

В начале XX столетия их всего трое — двое мужчин и юная девушка, Ольга Орлова. Слишком юная, чтобы суметь разобраться в коварных интригах своих могущественных партнеров, чтобы отличить подлинное благородство от лицемерия.

Но если в их отношения вмешаются любовь, обман и предательство, устоит ли наш мир? Смогут ли творцы разобраться, чьи чувства искренни, а кто просто стремится избавиться от соперников?

© Косухина Н. В.

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

1838 год, Санкт-Петербург

Алексей Разинский

Совершив прыжок во времени, я сразу оказался недалеко от Пантелеймоновской церкви. Темнота ночной улицы скрыла от посторонних глаз мое перемещение, и, оглядевшись по сторонам, я быстрым шагом направился к храму.

Нужное мне здание располагалось чуть дальше, на пересечении двух улиц, освещенных фонарями. При их свете я оглядел изящный красно-белый храм с белым куполом и светящимся даже в ночи золотым крестом. В узких окнах золотилось пламя горящих свечей, и только высокая колокольня была полностью скрыта мраком.

Если я верно все рассчитал, значит, успею увести батюшку из его храма раньше, чем за ним придут дуовиты. Этот священник предан своему делу, помогает корпорации и имеет привычку подолгу задерживаться в церкви. Вот и сегодня один из таких дней.

Осторожно приоткрыв дверь, я вошел в храм, перекрестился и направился к алтарю — месту, где обычно находятся служители. Для этого пришлось пройти по открытому пространству центрального нефа, осторожно ступая по гладким плитам цветного мрамора. Мне надо было добраться до боковой апсиды, батюшка часто задерживался там, читая каноны и акафисты.

Неожиданно боль пронзила тело. Сжав зубы, я упал на колени и быстро отполз за колонну. Не успел, но почему? Все же должно было сойтись.

Проклятые убийцы хлестали и хлестали энергией, пока я перебегал от одного укрытия к другому. Выбрав за одной из колонн в углу храма идеальное место для атаки, я вызвал свой внутренний огонь.

Мои руки и глаза вспыхнули пламенем. Я чувствовал жжение, чувствовал в себе мощь стихии, рвущуюся наружу.

Сформировав в руках рыжие сгустки, я покинул убежище и, пригибаясь и уворачиваясь от плетей энергии, что стегали по мрамору пола и стенам, платил нападающим той же монетой. С моих ладоней слетал огонь, поражая одну цель за другой.

По всему храму пламя — на свечах и лампадах — под моим воздействием перекидывалось на дуовитов и распространялось по их телам, отвлекая и дезориентируя. Мне этого было достаточно.

Жестокое сражение длилось недолго, и я сумел убить всех пятерых противников прежде, чем они добились меня.

Облокотившись об одну из колонн и пытаясь выровнять дыхание, я старался унять боль в теле. Пройдет не один час, пока мое физическое состояние восстановится.

Придя немного в себя, я нашел батюшку в боковом приделе, возле алтаря, оглушенным и лежащим на полу. Проверив, жив ли он, я собирался уже отправляться обратно, — после сорванного мною нападения священнослужителю больше ничего не угрожало, — как услышал за своей спиной щелчок взводимого курка.

Ловушка! Ну вот, кажется, и все...

* * *

1838 год, Санкт-Петербург

Ольга Орлова

Я спешила по улице, тускло освещенной светом редких окон. Темная неприветливая громада домов давила, а мои шаги по булыжной мостовой эхом отражались от стен.

Я торопилась и боялась не успеть. Время сильно поджимало, а ведь могли еще появиться дуовиты.

Обернувшись, я увидела преследующего меня человека. Он шел за мной уже минут семь и никуда не сворачивал. Длинное, кажется, клетчатое шерстяное пальто с пелериной. Котелок он надвинул на самый лоб, а из-под него торчали неухоженные темные патлы.

Только этого не хватало!

Повернув в темный проулок и затаившись за углом, я принялась ждать. Шаги все приближались и приближались. Вот передо мной возникли уже не один человек, а трое. Дуовиты... и для них я не невидима.

— Попалась, — прошипел мужчина в центре.

Взглянув на лица нападающих и раздумывая, как лучше поступить, мимоходом отметила, что даже сумрак ночи не в силах скрыть их неприглядную внешность. Вроде бы обычное человеческое лицо, но словно вырезанное из камня, покрытого мелкими трещинами: такова плата за использование энергии. Она вытягивает жизненные соки и превращает кожу людей в подобие старой шагреневой, высушенной солнцем и потрескавшейся от обезвоживания. Казалось бы, молодой мужчина, а выглядит как безжизненная каменная статуя.

Видимо, доносчик в корпорации совершил очередное предательство, передав им информацию о самых значимых творцах. Значит, на трех врагов у нас станет меньше.

Я усмехнулась и метнула кинжал. Не ожидавший атаки молодой темноволосый парень, стоявший слева, повалился на мостовую.

— Гадина! — рыкнул их главарь и хлестнул меня энергией.

Но мое тело уже, переливаясь и мерцая, красным сиянием охватывал щит.

Нападение не причинило мне вреда, а вот дуовиты оказались беззащитными. Бросок второго кинжала — и еще один убийца упал на землю, а главарь начал отступать.

— Попался, — прошипела я, и едва мужчина оглянулся в поисках пути отхода, как клинок сразил и его, воткнувшись в шею по самую рукоять.

А я, подхватившись, побежала вдоль по улице в сторону нужного здания. Не успеваю, не успеваю...

Наконец показалась Пантелеймоновская церковь. Блики луны играют на ее куполах, а изящная архитектура смотрится еще красивее и загадочнее в ночной полутьме.

Практически подлетев к ней, я распахнула оказавшуюся незапертой тяжелую дверь, и

это лишний раз подтвердило мои подозрения — Алексей уже внутри, и не один. Теперь шуметь нельзя — и, сняв туфли, я босиком направилась дальше.

Прокравшись вперед по притвору, ступила в помещение храма.

Я замерла за колонной и при свете горящих кое-где свечей увидела их — Разинского и мужчину, что направил на Алексея пистолет. Не застав всего разговора, расслышала только последнюю фразу:

— Всегда ненавидел таких мутантов, как ты, думающих, что они боги! И не считающихся с простыми людьми, — процедил мужчина грубым, хриплым голосом.

Я догадывалась, что последует дальше, и у меня внутри все похолодело. Не позволю!

Противники не видели меня, что давало преимущество. Последний кинжал нашел свою цель. Мужчина в котелке упал на каменный пол, и под ним стала растекаться лужа крови.

Взглянув в родные зеленые глаза, блеснувшие удивлением и нежностью, я почувствовала, как реальность смещается и водоворот времени утягивает меня обратно в мое время.

В голове билась только одна мысль: «Успела!»

Архив корпорации — 1902 год

Вступление России в двадцатый век ознаменовалось развитием сельского хозяйства и промышленного производства.

На сегодняшний день Российскую империю можно назвать Великой. Правление Николая Второго считается лучшим за последние сто лет.

В странах Европы преимущества индустриальной цивилизации становятся все более очевидными... Мир меняется...

А значит, корпорации Лемнискату необходимо ускорить поиск творцов.

* * *

1902 год, Санкт-Петербург

Сегодня родители ведут меня к папе на работу. В разговорах родных я много раз слышала упоминание об этом месте, но еще ни разу здесь не была. Мама перед выходом объяснила, что мы должны сходить в гости к папиному начальству и познакомиться с ним. Они посмотрят и скажут, особенная я девочка или нет.

Мне так хочется быть особенной! У меня есть старшая сестра Светлана, которая постоянно говорит, что я — ничем не примечательная серая мышка, что такой останусь на всю жизнь и что мне не избежать участи старой девы.

Конечно, как тут будешь особенной, когда старшая сестра такая красавица?! Вся в маму! А я больше похожа на отца, достоинством которого является гениальный ум, а не внешность.

Я вздохнула, когда мы остановились перед большим зданием, располагавшимся в центре города. На небольшой круглой площади было чисто и очень красиво, несмотря на серый цвет камня, из которого все было построено. И этот величественный дом походил на домик с фигурками из больших камушков. Гладких...

— Ольга, сколько раз я говорила тебе не трогать все подряд? Юной барышне не пристало такое поведение! — послышался раздраженный голос мамы.

А папа лишь протянул мне руку, подзывая к себе. Ухватившись за его теплую кисть, я

направилась вслед за ним в большое здание, на стенах которого вблизи можно было рассмотреть змей, таких же, как и у статуй, что стояли на каменных подставках перед входом. Пока мы проходили мимо этих статуй, я даже поежилась от их грозного вида и каменных глаз, что, казалось, провожают нас бесстрастными взглядами.

Но это только снаружи здание выглядело скучно-серым. Внутри оно все было отделано гладким блестящим деревом, которое мне опять не дали потрогать, а на полу лежал паркет, как у нас дома, только красивее, с затейливым рисунком идеально подогнанных цветных плашек. Интерьер дополняли мягкие красные ковры и ярко-зеленые драпировки.

Мы поднялись по широкой лестнице, украшенной витыми перилами, и оказались в большом зале, убранством похожем на нижний, из которого опять наверх вели большие лестницы, расположенные по обе стороны от нас.

Еще там стояли статуи, разные, но все со змеями, змеи также были выгравированы на лестницах и на многих других поверхностях. А на стене, напротив лестницы из холла, был изображен герб отдела творцов — в виде змеи, обвивающей знак бесконечности — символ времени. Все, как и рассказывал папа.

— Ольга, не смотри по сторонам, как ворона, с открытым ртом. Воспитанной девушке это не пристало, — опять послышался голос мамы. Они с отцом ушли чуть вперед.

Вздыхнув, я постаралась вести себя как меня учила матушка. Увы, сколько я ни стараюсь, у меня практически никогда это не выходит. Вот Светлана всегда ее радует, потому что ведет себя, как подобает благовоспитанной барышне.

Пройдя огромный зал, мы направились к лестнице, что находилась по правую руку, и снова начали подниматься наверх. А я опустила взгляд вниз, как пристало благовоспитанной барышне, про себя считая ступеньки.

Их оказалось пятьдесят, а перед нами был еще один зал, выглядевший так же, как и тот, что остался позади. Только здесь вместо лестниц в другие помещения вели темные деревянные полированные двери, красивые и резные.

Мы пересекли его и вошли в единственную дверь, расположенную прямо по центру, и оказались в очередном зале.

В этом помещении, тоже довольно большом, стояло много кресел, в них разместились взрослые с детьми. Некоторые дети были в некрасивых серых одеждах.

А впереди на возвышении стоял овальный стол с солидными креслами, в которых сидели незнакомые люди. За их спинами, на стене, элегантно задрапированной бархатной зеленой тканью, красовался огромный герб отдела творцов. На полу лежали пушистые ковры, а по периметру комнаты располагались изящные медные канделябры, в которых трепетало пламя множества высоких свечей.

Не прекращая все рассматривать, я прошла вслед за родителями, которые заняли места с краю собрания. Практически все находящиеся в помещении дети поглядывали друг на друга с любопытством, а некоторые — и с неприязнью.

Сначала я наблюдала, как дети один за другим поднимаются на возвышение, а через несколько минут возвращаются обратно и покидают зал. Время текло очень медленно, поиграть здесь было не во что, и я уже успела детально изучить помещение, когда папа куда-то ушел и практически сразу вернулся.

Родители, взяв меня за руки, повели на возвышение, где расположились господа в строгих костюмах. И даже одна дама в строгом глухом платье.

Пожилой мужчина, сидящий по центру — судя по всему, главный среди них, — поднялся

и произнес:

— Приветствую вас, господин граф Орлов, госпожа графиня и, конечно, юная мадемуазель Ольга. Разрешите представиться — князь Станислав Игнатьевич Лехвицкий. Рад, что вы откликнулись на наше предложение и привели дочь на испытание. Должен сказать, для нас будет крайне желательным, если следующий творец окажется из высшего общества.

— Это связано с какими-то особенными причинами? — спросил отец.

— Меньше проблем, — тяжело вздохнул мужчина. — Сами понимаете, воспитание... и многое другое. Для отбора в зале присутствуют ранее найденные нами творцы.

И он рукой указал в сторону, где недалеко от стола в креслах сидели два молодых господина.

— Позвольте лично представить вам людей, о которых вы и так наслышаны. Господин Алексей Михайлович Разинский и господин Джеймс Мэллори.

Творцы с бесстрастным видом встали и коротко поклонились.

— Пожалуй, начнем, — подытожил князь.

Лехвицкий подвел меня сначала к столу с какими-то вещами и спросил:

— Нравится ли вам что-нибудь?

Я принялась внимательно разглядывать разложенные передо мной предметы. Здесь были деревянный сундучок, камушек, кусочек старой ткани и так далее.

Единственной вещью, что пришлась мне по душе, оказался синий камушек.

— Дотроньтесь, — заметив мой интерес, посоветовал он мне.

Я прикоснулась. В пальцах возникло покалывание, о чем я и сообщила.

Он переглянулся с князем.

— Подойдите к господину Разинскому и поговорите с ним.

Робея и чувствуя себя неуверенно, я приблизилась к удивительно красивому джентльмену. Это был старший творец.

— А вы такой, со странностями, — брякнула я, не подумав, первое, что пришло в голову.

Молодой мужчина поджал на мое замечание губы, поднялся и, подведя меня к стулу, усадил на него, сам уселся напротив и спросил:

— Скажите, с вами никогда не происходило ничего странного?

— Нет, — честно ответила я.

— Болели? — приподнял он бровь, беря меня за руку.

— Нет.

Я не понимала смысла этих вопросов.

— Возникало в последнее время тянущее чувство, которое обычно бывает, если сильно раскачиваешься на качелях?

— Барышни в моем возрасте не качаются на качелях, — важно сообщила я, вспомнив слова мамы.

Творец, задававший мне вопросы, переглянулся с другим и снова спросил:

— Ваши родители рассказывали вам что-либо о Лемнискату и творцах?

Я кивнула и добавила:

— Да, что вы очень важная организация. И что я могу быть особенной.

Мой собеседник опять переглянулся со стоящим рядом творцом, после чего поднялся, отозвал князя в сторону, что-то ему сказал и вышел вместе с товарищем.

Князь Лехвицкий, подойдя к моим родителям, тихо заговорил, но я все услышала.

— Мы думаем, что у вашей дочери нет дара.

— Но она... — начала мама.

— Значит, реакция на тотем вызвана другими причинами, волнением...

— При всем уважении, господин князь, но своих детей я не терроризирую, — резко произнес отец.

— Господин граф, я не говорю, что вы каким-либо образом влияли на нее, но, судя по ответам на те несколько вопросов, которые задали мадемуазель, у нее нет дара, даже уточнения не требуется. Конечно, мы не предполагаем, что она могла... — князь прервался и не договорил.

— Я понимаю, — ответил отец, после чего, попрощавшись, вместе со мной и мамой покинул корпорацию.

Уходили мы в молчании, как и добирались до дома. Там родители сразу расположились в гостиной, куда тут же прибежала Светлана.

Посмотрев на их лица, она с притворным сочувствием протянула, глядя в мою сторону:

— Что, ничего не получилось? Не расстраивайся, если кому-то на роду написано быть обычной и ничем не примечательной личностью — значит, так тому и быть. Не войти тебе в историю!

— Светлана, помолчи! — одернула сестру мать. — Ольга, иди в свою комнату.

Молча посмотрев на каких-то чужих и отстраненных родителей, я отправилась за дверь, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы. Что я такого сделала?

Но только я остановилась за дверью, чтобы отереть слезинку, как услышала голос матери:

— Светлана, я запрещаю тебе рассказывать кому-либо не только о результатах похода в Лемнискату, но и о том, что мы сегодня там присутствовали.

— Ты слышала князя, Наталья? Он явно хотел намекнуть на то, что Ольга притворялась и мы потворствовали этому! — негодовал отец.

— Это просто безобразие! Как будто нам это больше всех надо. Хотя это возвысило бы...

Голос мамы был очень расстроенным.

— Не нужно. Ничего страшного ведь не случилось, — успокоил ее отец.

— Да, мама, вы с папой можете гордиться мной.

— Светлана, выйди... — сказала мать.

Но дальше я уже не слушала, я бежала вверх по лестнице, и слезы текли по моим щекам.

Я подвела своих родителей, и они теперь никогда не будут мной гордиться... Я — самая обычная и бесполезная...

Только удалось скрыться в своей комнате, как в нее вломилась сестра.

— Что ты сделала...

Я столько лет терпела ее злобный характер, что теперь просто сорвалась. И, не дав ей договорить, закричала:

— Вон!

— Ты что, еще будешь мне прика...

Схватив вазу, я размахнулась и со всей силы запустила ею в Светлану. Та, взвизгнув, успела скрыться за дверью. Послышался топот: побежала жаловаться родителям.

А я, закрывшись в комнате, упала на кровать и громко зарыдала, не в силах остановиться.

Приходили родители, пытались меня успокоить и уговорить их впустить. Но я была неумолима. Так прошла ночь, а утром меня отослали в имение, находящееся недалеко от города.

* * *

В сумерках большой дом смотрелся уныло, а каменная лестница, ведущая к парадному, слишком высокой и печальной. Внизу на постаментах стояли небольшие статуи, я привычно провела по ним ладошкой. Холодные. А огромные буки, нависающие своими кронами над ступенями, выглядели пугающе.

Прибыв в наш загородный дом, я уселась на веранде и смотрела вдаль невидящим взглядом. Была середина октября, на дворе стояли последние теплые деньки. Вокруг меня хлопотала няня, которая заботилась о нас с сестрой с пеленок. Видимо, получила от матушки инструкции по уходу. Она тяжело вздыхала и то суетливо подносила горячего чаю с печеньками, то пыталась поправить на моих плечах сползающую шаль. Но мне было все равно.

В голове звенела пустота. К вечеру в глазах стало двоиться, начала болеть и кружиться голова, тело заломило так, что мне казалось — даже кости ноют. Было очень тяжело.

К вечеру поднялся сильный жар, и я начала бредить. Слышала только, как няня отправила гонца с письмом моим родителям, и помню, что приходил врач. Потом меня поили лекарствами и бульоном, но, судя по всему, ничего не помогало. От бессилия я плакала — так мне было плохо.

Когда боль стала практически невыносимой, я вспомнила то, чему меня учила мама, когда я в детстве получала раны и было больно. Это, конечно, не разбитая коленка, но вдруг поможет?..

Попробовав бороться с болью с помощью глубокого дыхания и постаравшись расслабиться, я почувствовала, что мне стало легче: боль уменьшилась, ушел звон из ушей. Но только я прекратила попытки подчинить себе свое тело, как все началось снова.

Собравшись с силами, я вновь начала сражение за свою жизнь. И когда мне казалось, что я уже схожу с ума, реальность сместилась у меня перед глазами — и я упала на снег!

С трудом поднявшись, я огляделась по сторонам, не понимая, где нахожусь.

Придя в себя от холода и сильного ветра, я начала осознавать, что сейчас стою в том же месте, где располагается наше имение, но ни дома, ни каких-либо построек поблизости нет. На улице мороз, а я босая, в ночной рубашке до пят, и мои голые ноги быстро замерзают. После борьбы за свою жизнь и температуры рубаха вся пропиталась потом и неприятно холодила спину.

Когда я уже практически перестала чувствовать ноги и, обхватив себя ладонями, еле удерживала в теле последние крохи тепла, догадка пришла ко мне сама собой. Я совершила прыжок во времени! У меня получилось! Несмотря ни на что, я — особенная!

Но эйфория быстро сменилась осознанием жестокой реальности. Как мне попасть обратно? Из рассказов родителей я знала, что творцы бывают трех степеней. Вдруг я — творец второй степени и смогу вернуться домой только через год, обычным человеком?

Присев на корточки и сжавшись в дрожащий комок, я закрыла глаза и попыталась сосредоточиться на том, чтобы вернуться туда, откуда прибыла.

Изо всех сил сконцентрировавшись на нужной мысли, я почувствовала, что мое тело становится легким, и, открыв глаза, увидела, как мир опять словно смещается и резко приобретает привычную четкость — а я падаю на каменный пол в подвале. Резкий удар о камни и вспышка боли. И шум падающих вещей, которые я задела при перемещении.

Следом наверху открылась дверь и появился наш слуга.

Послышался его неуверенный, быстро приближающийся голос:

— Барышня, что вы тут делаете? Вы же должны быть наверху!

Подняв меня с пола на руки, слуга удивленно добавил:

— Да вы совсем замерзли!

Потом меня отнесли наверх, где я выслушала от няни целую лекцию о том, как нужно себя вести и что, когда болеешь, не нужно убегать в сырые подвалы.

Первое, что я сделала, это рассказала обо всем произошедшем со мной. Няня посмотрела на меня и назвала выдумщицей. Но самым противным было то, что после своего первого прыжка я заболела настоящей простудой — без температуры и кашля, а вот сопли текли рекой. И меня снова принялись лечить.

За все это время от родителей не пришло ни весточки, и только гонец сообщил письмом, что наше послание передал, но его уволили и обратно он не вернется.

После этого я больше не хотела ничего слышать о родителях: обида на них за то, что они меня отослали и не приехали ко мне, когда я была практически при смерти, была очень сильна. Поэтому я уговорила няню написать о случившемся в саму корпорацию. Не знаю, как со мной произошло то, чего не должно было быть, но внутри жил страх, что все может повториться вновь.

Вот через день после этого и приехали родители, и были они в ярости. Их вызвали в Лемнискату, чтобы попросить призвать свою прислугу и дочь к порядку. В корпорации был жуткий скандал, вследствие чего родители собирались уволить няню и сделать мне серьезный выговор.

— Ольга, я очень недовольна тобой! Как ты могла поставить нас с отцом в такое положение? Теперь ему вынесут выговор по службе, уже перевели в другую группу изыскателей!

Посмотрев на отца, я увидела, что он сидит, отвернувшись к камину, и молча смотрит на огонь. Тот папа, которого я знала, держал меня на коленях и часто играл со мной. Но это было тогда, когда я не была «особенной», а сейчас...

Ничего хорошего мне эта «особенность» не принесла, и я чувствовала себя обманутой.

— Ты должна пообещать, что больше не будешь совершать таких опрометчивых поступков! — продолжала отчитывать меня матушка.

— Но мама...

— Я все сказала!

— Хорошо, я пообещаю больше не совершать глупостей и стараться быть хорошей дочерью, но прошу вас — не увольняйте няню. Она ни в чем не виновата, и поддалась на мои уговоры, ибо любит меня. К тому же кто-то должен быть здесь со мной, чтобы составлять мне компанию.

Поджав губы и помолчав некоторое время, мама все же согласилась.

— Хорошо. Но помни: еще одна выходка — и няня окажется на улице, а тебя мы отправим в учебное заведение!

— Наталья, — одернул ее папа.

Первый раз я слышала, чтобы он разговаривал таким тоном. Потом, так и не повернувшись в мою сторону, отец утешающе сказал:

— Поверь, Ольга, это для твоей же пользы.

Я ничего на это не ответила, но, уже выходя из комнаты и замерев на пороге, посмотрела на родителей. Те молчали, занятые своими мыслями. И во мне что-то умерло.

Уже потом, возвращаясь мысленно назад, я понимала, что именно в тот момент мое детство ушло и я стала взрослой. Взрослой десятилетней девочкой, которая осталась один на один со своей «особенностью».

После этого визита родителей не было месяц, а затем они приехали снова. Мама желала поговорить со мной на тему моего будущего.

— Дочь, нам пора подумать о твоём образовании. Ведь благовоспитанные барышни должны многое уметь. И значит, мы с отцом обязаны нанять тебе учителей для занятий танцами, рисованием, музицированием и многим другим. Подробнее...

— Наталья! — недовольно перебил матушку отец.

Мама поморщилась, но продолжила:

— Еще, к моему удивлению, и, уверена, благодаря заслугам твоего отца, корпорация предлагает тебе пойти в ученики к аналитикам и потом занять должность.

Я терпеть не могла все то, чем занимается моя старшая сестра!

Но мама заговорила снова:

— Мне кажется...

— Сейчас меня интересует то, что кажется моей дочери. Твое мнение я уже сегодня слышал, — резко перебил ее отец.

— Александр, барышне не пристало...

— Это Светлане можешь рассказать. Когда ты выходила за меня замуж, то знала, где я работаю и что это за место. В корпорации женщина имеет право голоса и может рассчитывать на уважение наравне с мужчинами. Это тебе не светское общество, в которое ты пытаешься затащить наших дочерей.

— Я хочу для них лучшего в жизни. Хочу, чтобы они составили хорошую партию и ни в чем не нуждались. Аналитики — состоятельные люди, но не богатые. Им приходится трудиться, чтобы заработать себе на кусок хлеба. А наверх ей не пробиться, несмотря на либеральность Лемнискату, — саркастически протянула мама.

— Дочь, твой выбор? — проигнорировал ее папа.

— Корпорация, отец.

— Тогда вопрос решен.

— Александр, она еще мала, чтобы... — вновь вмешалась мама.

— И тем не менее она — моя дочь. Я решал свою судьбу в том же возрасте и еще не жалел о своем выборе. Мы — другие, Наталья.

— Что-то не принесло ей это счастья...

— Наталья, мы же договорились! — рассердился отец и добавил уже для меня: — Ты можешь идти, Ольга. Остальное мы обговорим чуть позже.

Уже собираясь уходить, я услышала слова мамы:

— Я недовольна твоим выбором, дочь.

На это, обернувшись, я сказала:

— Свое обещание, матушка, я не нарушила, и мой выбор не бросил тень на нашу семью.

Я вышла, догадываясь, что родители провожают меня удивленными взглядами.

На следующий день папа объяснил, что Лемнискату весной будет набирать новых учеников, и тогда он вернется за мной. Еще предложил поехать с ним в город, но я отказалась.

Мама была беременна третьим ребенком, сестра готовилась к представлению ко двору — я им буду только мешать. Здесь, с няней, мне гораздо уютнее, чем в городе. К тому же у меня были проблемы с перемещениями во времени.

Следующий прыжок произошел через три месяца после первого.

В очередной раз мир передо мной вдруг стал смещаться, но я, вспомнив, что мне доводилось слышать о творцах, сконцентрировалась на воспоминаниях о месте, куда прыгала в прошлый раз, — и оказалась на том же старом пустыре.

Только теперь перед перемещением я успела хотя бы накинуть верхнюю одежду и спуститься на первый этаж. Как я в прошлый раз не разбилась — непонятно!

Мои путешествия происходили в разное время и совершенно не поддавались контролю. Удавалось только немного скорректировать время, в которое я попадала. Пока мне везло, и я не встретила кого-либо чужого во время прыжков.

Естественно, подобные перемещения не могли меня не волновать, и чем старше я становилась, тем больше моя озабоченность росла.

Но и это было не единственной моей проблемой. Как я слышала из разговоров родителей, у каждого творца есть особый дар. Жаль только, никто не говорил, как его обнаружить. Однако все выяснилось само собой через пару дней после второго прыжка.

В тот день был сильный штормовой ветер, и наши малочисленные слуги старались лишней раз носу на улицу не высовывать.

Я сидела на широком подоконнике и думала о своей непростой ситуации, наблюдая за тем, как кружит за окном метель, наметая сугробы, как гнутся деревья под ударами разъяренного ветра, как темные тучи закрывают зимнее полуденное солнце, превращая день в вечер.

Вдруг краем глаза я заметила во дворе няню. Повернувшись посмотреть, что она там делает, я увидела, как у старого дуба, под которым пробиралась к дому старушка, обломилась, не выдержав порыва ветра, огромная ветка.

Непроизвольно я вскинула в немом предупреждении руку и увидела, как ветка развернулась в полете и упала в снежный сугроб, лишь чуть задев прутьями старую женщину. А няня, посмотрев на нее, что-то сказала и, как ни в чем не бывало, отправилась дальше. Я же, находясь в состоянии шока, продолжала сидеть, пока не почувствовала сильнейший голод и внезапную усталость.

Встряхнув руками, я попробовала повторить фокус, но ничего не получалось.

Прекрасно понимая, что этот кусок дерева должен был убить старушку, я не знала, почему случилось то, что случилось. Как-то я смогла защитить ее, в этом я была совершенно уверена. Но как?

В общем, мне требовались ответы на вопросы, а получить их я могла только в корпорации. Значит, мне нужно учиться!

Папа, как и обещал, приехал весной, когда уже прошло время капели и радовала глаз проклюнувшаяся молодая зеленая травка. Конечно, они с матушкой навещали меня довольно часто, но в их присутствии я чувствовала себя несколько скованно. Как будто между нами что-то стояло. Это очень угнетало, но изменить что-либо я была не в силах.

В город мы вернулись в середине апреля, и отец сразу повел меня в Лемнискату, в отдел аналитиков.

Привратник у входа проводил нас в одну из комнат, где уже находился старичок, который явно ожидал нас. Никого другого здесь больше не было. Видимо, князь не пожелал видеть меня снова. Аналитик не творец, теперь общаться с ним мне не по чину.

Подойдя к папе, пожилой человек представился:

— Приветствую вас в корпорации. Разрешите представиться, я — старший аналитик Фредерик Рурк. Буду преподавателем и куратором вашей дочери. Надеюсь, вы не передумали по поводу обучения, господин граф?

— Нет, мастер. Ольга не изменила своего решения.

Окинув меня внимательным взглядом, Рурк заметил:

— Что ж, мне нравится постоянство в юных умах. Если этот вопрос решен, я должен прояснить следующие моменты. Надеюсь, вы понимаете, завтра вам с женой предстоит подписать договор о том, что ваша дочь будет обучаться в корпорации Лемнискату согласно нашим основным требованиям и что после окончания обучения она получит должность? Также там будет указано, что по достижении двадцати лет Ольга для корпорации станет совершеннолетней, со всеми вытекающими отсюда правами и обязанностями.

— Завтра мы с женой придем сюда в это же время и подпишем соглашение, — кивнул отец.

— Вот и прекрасно! Тогда позвольте еще раз напомнить, что ваша дочь должна будет приезжать в корпорацию через день. Если вы предоставите карету и сопровождение, будет прекрасно. Все-таки юная барышня...

— Я уже позаботился об этом. Сразу после нашего с вами обмена письмами все и организовал.

— Вот и прекрасно! Тогда я вынужден проститься с вами. Мне необходимо еще показать мадемуазель Ольге здание и помещения, где она будет заниматься.

Кивнув, отец попрощался со мной и откланялся, а для меня началась экскурсия по этому удивительному месту.

Лемнискату аналитиков оказалась почти нереальной. С одной стороны, мы находились в старом здании, и здесь все дышало стариной. Казалось, за каждым поворотом скрывались тайны.

С другой стороны, практически во всех помещениях основного крыла сидели аналитики: экономические, исторические, общественные и так далее. Работа кипела так, что мысли словно витали вокруг голов и имели материальную основу. Такое поприще я выбрала для себя...

Шли мы неторопливо, постепенно продвигаясь в другое крыло, в котором каждая комната была чем-то похожа на предыдущую, но в то же время необычна по-своему. Здесь уже встречались более молодые ученики, некоторые мои ровесники, что осваивали новую для себя науку.

Этим в скором времени предстояло заняться и мне.

Мое первое самостоятельное утро в качестве ученицы выдалось пасмурным, на улице моросил дождь. Наскоро позавтракав, я отправилась на учебу в присланной папой карете с охранником.

Куратор Рурк встретил меня сидя за столом около большого витражного окна в нашей с ним комнате для занятий, которую в этот раз я нашла самостоятельно. Поздоровавшись, он предложил мне оставить все церемонии и пригласил следовать за ним.

Мы прошли сквозь несколько залов, спустились на первый этаж и оказались в длинном коридоре, по бокам которого располагалось множество дверей. Пожилой мужчина постоянно поворачивал налево и направо — а двери все не заканчивались. Внизу оказался целый лабиринт, и он пробуждал недюжинное любопытство.

Войдя за Рурком в одну из дверей, я увидела огромное, разделенное на зоны помещение, и эти зоны были оформлены различными макетами, демонстрирующими архитектуру и быт людей прошлого.

— Вот, смотрите, это Древний Рим. Пройдемте.

По мере продвижения вглубь мастер рассказывал мне, что собой представляет каждая экспозиция из прошлого.

— Вот это среднестатистический дом, который был в те времена. Тут посуда, обстановка, игрушки и все, что нужно, чтобы прожить в Риме в период его расцвета. Чуть дальше будут и другие временные вариации на эту тему. Более подробно каждую из них мы будем изучать позднее. Это бани. Это Колизей — конечно, маленькая его копия. Это...

Так мы перемещались по огромному помещению, и мастер все пояснял и обо всем рассказывал.

Все представленные здесь макеты и предметы декора были сделаны по подробным описаниям творцов, что собирали информацию для корпорации.

— А зачем мне это изучать?

Учитель остановился и, повернувшись ко мне, серьезно сказал:

— Ольга, вы еще очень юны и многого не понимаете... Просто примите как данность. Лемнискату — это огромная экономическая корпорация, чье влияние распространяется по всему миру. Мы создаем историю, политические веяния, направление развития культуры и — самое главное — экономику. Ведь именно она сейчас правит миром и будет править дальше. Совет директоров корпорации — это сильные мира сего, с которыми считаются все. Люди платят нам деньги, мы приумножаем их состояния и обеспечиваем благоустройство не в ущерб общему. Для корпорации нет ничего невозможного.

Видя, как я пытаюсь осмыслить сказанное, Рурк добавил:

— Во время обучения мы не раз коснемся этой темы. Сейчас просто надо верить: все, чему вас будут учить, пригодится во время работы.

Когда экскурсия закончилась, мне сообщили:

— Завтра вы подготовите материал по домашнему очагу Рима. Книги я предоставлю. Сначала придется изучать историю и цивилизацию во всех подробностях. И лишь потом мы будем учиться анализировать. Именно тогда вы и выберете направление, на котором станете специализироваться.

— Скажите, а как в городе умещаются все эти здания?

— Никак. Мы находимся под землей.

Видимо, заметив страх на моем лице, Рурк пояснил:

— Не переживайте, строение очень надежное.

Беспокоилась я не по этому поводу, а потому, что если я перенесусь во времени, то окажусь в толще земли и задохнусь!

Но не говорить же это Рурку?!

— Ладно, теперь, перед тем как вы отправитесь домой, нам нужно зайти к учителю Лурье.

— А кто это такой? — поинтересовалась я.

— Мастер Лемнискату по культурному направлению: танцы, игра на музыкальных инструментах, рисование и многое другое. Специалисты корпорации должны иметь всестороннее образование. Кто знает, на каких мероприятиях вам нужно будет присутствовать, чтобы узнать или получить необходимые Лемнискату сведения?

Вспомнив занятия сестры, я робко спросила:

— А может, не надо?

— Как это — не надо? А как же молодая барышня будет появляться в обществе и развивать свои таланты?

Спорить было бесполезно, и пришлось идти к этому месье Лурье.

Не знаю почему, но я думала, что все учителя должны быть старыми. Вот только специалист по культурному направлению доказал мне обратное, оказавшись обаятельным молодым человеком с цепким взглядом.

Поприветствовав меня, Лурье внимательно рассмотрел мою персону.

— Так... — он обошел вокруг меня. — И что мы здесь иметь? Юная девочка хорошо, бы даже сказать, прекрасно быть сложенной. Но вот совсем не ухаживать за собой. Что уметь?

Я пожала плечами.

— Ничего?! Нет, ну куда это годиться? Что, родители десять лет не позаботятся о вашем образовании? — возмутился мастер.

Я испуганно посмотрела на Рурка. Но тот только успокаивающе мне улыбнулся.

— Так, давайте попробовать твои силы в рисование. А ты, Рурк, идти: я не питаюсь детьми и вернуть ее после разговора целой и невредимой.

— Смотри, не запугай мне ребенка, — пригрозил сухим пальцем куратор и вышел.

А учитель культуры повернулся ко мне:

— Ну что, мы начать?

И мы начали. Меня мучили, заставляя пробовать различные культурные направления — от игры на флейте до рисования и танцев.

От вышивания я отказалась сразу. Терпеть не могу все эти крестики и стежки, поэтому, несмотря на высказывание мастера о том, что я несовершеннолетняя женщина, решила оставить безупречность на долю сестры.

К рисованию у меня таланта тоже не оказалось, зато в танцах, как мне сообщили, имеется большой потенциал, и у нас с мастером на этой почве возник конфликт. Я не хотела учиться различным поворотам и движениям. А мастер просто бился в истерику и говорил, что я — убийца талантов и совсем не мадемуазель.

Но еще больший конфликт произошел между нами, когда дело дошло до выбора инструмента, на котором я буду играть. Вот тут, вспомнив, как красиво играл однажды на

площади один мальчик, я пожелала скрипку.

Лурье чуть не хватил удар.

— Вы не может выбрать этот инструмент!

— Почему? Вы же говорили, что он — один из благороднейших среди всех существующих.

— Да! Но вы же мадемуазель!

Вот этот аргумент все и решил: теперь я точно не изменю своего решения.

— Как девушка играть на светском вечере на скрипка?! Это мужской инструмент! Да, для юноши это *magnifique* и *elegant*, но не для мадемуазель! — продолжал разоряться молодой человек.

Но я своего решения не изменила и продолжала упрячиться.

В итоге он не выдержал:

— Ладно, вы победить. Но за это я просить компромисс. За скрипку вы танцевать все танец, которым я хотеть вас научить!

Немного подумав, я согласилась.

А зря! Месье Лурье был настоящим тираном в обучении и мучил меня различными па и поворотами каждый урок!

Иногда меня доводили до такого состояния, что я забывала о природной робости и начинала ругаться в голос. Но этому экспрессивному и до мозга костей творческому человеку было все равно. Сверкая на меня своими черными глазами, он заставлял меня работать, работать и работать.

В такого молодого учителя можно было бы и влюбиться, вот только... он не соответствовал моему идеалу.

Но если на занятиях по культуре и этикету мучили меня, то на истории куратора Рурка мучила уже я.

С того времени как открыла для себя чтение и многообразие книг, я проводила за ними все свободное время и читала даже ночью при свечах. Ничего не могла с собой поделаться. Мир, открываемый книгами, помогал мне сбегать от реальности.

Не знаю, где куратор подбирал для меня книги, но они были ужасно интересными. Поэтому если в начале моего обучения Рурк интересовался моими знаниями, то вскоре уже я сама стала приходить на уроки и расспрашивать его о том, что показалось непонятным, или уточнять какие-то мелочи. Учитель даже иногда прятался от меня.

Конечно, читала я не только исторические книги, но и дамские романы. Как это прекрасно, когда джентльмен ухаживает за дамой, оказывает ей знаки внимания, дарит цветы и объясняется в любви!

А потом, на следующий день, я шла в Лемнискату, где изучала не менее интересную историю и танцевала с месье Лурье, представляя на его месте другого мужчину, который ведет меня в танце и скоро признается в нежных чувствах.

Но рано или поздно время танцев заканчивалось, и начиналась моя страсть, с которой не могли поспорить даже книги. Скрипка!

Месье все-таки сумел научить меня играть на этом прекрасном инструменте, и с каждым днем я все больше и больше совершенствовалась. И наконец пришел тот день, когда Лурье сказал, что играю я просто восхитительно, а когда забываю обо всем и поддаюсь в игре своим чувствам, то пространство вокруг меня начинает полыхать красным.

Но останавливаться на достигнутом я не собиралась — выторговала у мастера обещание

направлять меня и дальше.

Еще у меня появился небольшой круг знакомых. В корпорации обучались около пятидесяти учеников. Некоторые моего возраста, некоторые несколько постарше. Не знаю, как учились они, я занималась с мастером Рурком индивидуально.

Блиzkих отношений между учащимися не было. Мы друг друга знали, но практически не общались. Просто здоровались кивком, встречаясь в коридорах или залах. Правила поведения и иерархия у аналитиков соблюдались четко и беспрекословно, поэтому все мы держали дистанцию.

Помимо приятных забот были и тяжелые обязанности, связанные с моими перемещениями и даром.

Прыжки во времени постепенно удалось контролировать и даже немного сдерживать. Но вот с даром все обстояло немного сложнее. То ли так и должно было быть, то ли это мне такая строптивая сила попалась, но приручать ее получалось с трудом, постоянно хотелось оградиться от внешнего мира.

Единственное, чего мне удалось добиться в этом направлении, так это хоть немного ознакомиться со своими способностями. Я смогла, хоть и не с первого раза, сама вызвать защиту. Она имела вид щита с неровными краями и красноватого оттенка.

Получив от Рурка допуск в огромную библиотеку, я черпала оттуда много информации и даже завела себе книжечку для записей, где подробно разбирала интересные факты и происходящие вокруг меня события.

Пока мой маленький брат рос, а сестра разъезжала по балам и раутам, я училась и усмиряла свою природу.

А дни бежали...

Архивы корпорации — 1912 год

Это время для России и Европы стало временем подъема науки и в то же время тяжелого политического ожидания. Отношения с Америкой становились все более сложными и напряженными. И если за последние десять лет сотрудничество России и США еще можно было назвать более-менее мирным, то Европа ожидала войны.

Сложная политическая ситуация в мире сопровождается громкими научными открытиями. Скачок делают такие науки, как физика, химия, медицина и физиология.

Несмотря на то, что обычные люди ни о чем не подозревают, мир стоит на пороге Первой мировой войны...

* * *

1912 год, Санкт-Петербург

Алексей Разинский

Я медленно шел по улице и пребывал в полном согласии с собой. На небе занимался рассвет, трогая небосвод нежными красками.

Вечер удался на славу. Прием у одного из знакомых баронов был шикарным и несколько скандальным. Карты, танцы, женщины... Все это помогло мне расслабиться после одного из сложных заданий.

Память сразу подбросила разговор с любовницей. Молодая вдова графа, которая обратила на себя мое внимание несколько месяцев назад, начала доставлять неудобство и после очередного беспричинного скандала отношения пришлось прекратить.

— Ты беспринципный и бессердечный! Раньше я не верила, когда мне говорили, что любить ты не умеешь!

Каждый раз одно и то же...

— Я тебе ничего не обещал, и ты прекрасно знала, на что шла, когда начинала отношения со мной. Я тебе не муж, не жених и дорожу своей свободой.

А в ответ — истерика и слезы. Пожалуй, нужно отдохнуть от подобных отношений, они начинают надоедать своей однообразностью.

Утро было тихим, безветренным, поэтому поток воздуха, взметнувший полы моего плаща, заставил меня насторожиться. Так происходит, только когда дувиты собирают энергию.

Применять силу на улице неразумно, здесь многие могут оказаться нежелательными свидетелями, но выхода не было. Бросив взгляд по сторонам, я заметил небольшой узкий переулок меж домами и сорвался с места.

Сзади послышался топот, а я, добежав до середины переулочка, развернулся и бросил плащ на землю. Вся моя одежда была пропитана огнеупорной смесью — секретной разработкой Лемнискату, и когда пятеро молодых ребят появились в начале переулочка, я был готов.

Тело охватило пламя, в глазах появилось привычное жжение, — и противники тоже призвали энергию.

Нападавшие явно были очень молоды: их лица уже напоминали каменные, но трещины пока не выделялись столь явно. Глупцы решили схватить творца, пользуясь своим численным превосходством.

Уворачиваясь от их атак и подпустив поближе, я ударил сплошной струей огня, постепенно усиливая напор. Враги начали отступать: их энергия расходовалась довольно быстро, не умели они еще экономить.

Пламя быстро набрало силу и охватило их тела. Не добравшись до начала переулочка, молодые ребята упали на землю, и их тела разрушались и крошились, словно камень, распадаясь на горящие куски.

Еще пара минут — и огонь погас, а на тротуаре остался дымиться песок.

На меня навалилась чудовищная усталость. Большой расход энергии — это, конечно, неразумно, но быстро разобраться с нападением по-другому не получилось бы.

Шатаясь от усталости, я подобрал плащ, отряхнул и с сожалением посмотрел на то, что осталось от перчаток. Они-то не были обработаны защитным средством от огня, а потому осыпались пеплом на землю, открывая руки, по которым вился черный замысловатый узор — знак того, что я творец, имеющий власть прыгать во времени. Одновременно и знак, и клеймо.

Простые люди не должны его видеть. Накинув плащ и засунув руки в карманы, я медленно побрел из переулочка. До городского дома оставалось совсем недалеко.

* * *

Сегодня вечером я одевалась на прием в честь помолвки цесаревича Алексея. Бал обещал быть очень пышным и многолюдным. Появлялась я в обществе нечасто и только на крупных мероприятиях, когда мое отсутствие могло быть расценено как оскорбление.

В этот день было устроено празднество для всех жителей империи. Царь раздавал угощение даже рабочим, никому не отказывая, причем половину затрат по устройству столь пышного события оплатил из финансов семьи, и только вторую половину — из казны. Этот факт населением был воспринят, наверное, еще более положительно, чем само угощение или помолвка.

Вот и стояла я сейчас перед огромным зеркалом в бронзовой оправе в своей комнате в городском доме, куда навещалась по необходимости, а служанки суетились вокруг меня. Поездки в городскую резиденцию родителей стали для меня скорее неудобством, чем радостью.

В основном все свое свободное время я проводила в Лемнискату, изучая и узнавая новое не только для совершенствования в выбранной профессии, но и просто для удовольствия.

В последние три года я обучалась по уже выбранной специальности — общество и история. Экономика явно была не для меня, а остальные отрасли просто не привлекали. Учитель возлагал на меня большие надежды, и я была рада, что хоть кто-то мною гордится.

За эти годы я даже научилась владеть своим даром, сдерживая путешествия во времени, когда мне это было невыгодно. Хотя, скорее, не сдерживая, а откладывая на более удобное время.

На первых порах я и не представляла, какая сила во мне скрывается.

Я не раз перемещалась в прошлое, и не всегда в то время, в которое хотелось, но, слава богу, смогла приспособиться и научилась справляться с данной проблемой. Теперь я практически ежедневно совершала прогулки в том месте и времени, куда попала, когда прыгнула в первый раз.

Надо ли говорить, что с такой моей особенностью я не могла часто приезжать в город, да, если честно, и не хотела. Зачем?

Чтобы видеть вечно злорадствующую сестру? Занятую самую собой или младшим братом мать? Или отца, с которым я хоть и общалась больше других, но близки, как раньше, мы уже не были?

Единственным человеком, которого я обожала, был Николай — мой брат и наследник отца, гордость нашей семьи. Вот кого я любила всем сердцем и кто отвечал мне взаимностью! С ним я и проводила практически все время, когда навещала свою семью.

Часто гостить у родителей не получалось еще и потому, что хоть свои перемещения во времени мне и удавалось пока сдерживать или направлять, но они все учащались. Из-за этого вероятность потери контроля над даром увеличивалась, что очень тяготило меня.

Однако и рассказать о них, о своей тайне, во всеуслышание не могла. Меня и раньше не слушали, и теперь мало что изменилось. А денег на то, чтобы содержать себя и нянечку, пока нет. Вот через три дня получу должность, начну работать на корпорацию, вот тогда и посмотрим...

— Барышня, все готово, — вырвал меня из раздумий голос служанки.

Взглянув на себя в зеркало, я увидела высокую изящную брюнетку, локоны ниспадают на плечи, обрамляя тонкое лицо, а на нем ярко выделяются черные, будто пронизывающие насквозь глаза и губы кораллового цвета.

Фигура у меня мамина — красивая, с идеальными формами и округлостями. А вот лицо

надежд не оправдало. Меня можно назвать симпатичной, но рядом с сестрой я не иду ни в какое сравнение.

И сейчас, в белом платье, которое мне, бесспорно, шло (мама постаралась), я смотрелась очень мило и незащищено. Хотя кому это интересно?

— Ольга, мы опаздываем! — послышался голос матушки.

Вздыхнув и еще раз взглянув на себя в зеркало, я отправилась вниз. А спустившись, не обнаружила Светланы.

Посмотрев вопросительно на мать, услышала:

— Мы со Светланой подведем попозже.

Все понятно. Простым смертным не дано осквернять выход примадонны. Молча развернувшись, я взяла папу под руку и направилась прочь.

Уже когда мы ехали в карете, отец поинтересовался:

— Когда ты вступаешь в должность, Ольга?

— Через три дня, — ответила я, задумчиво смотря в окно.

Эта не та тема, которую хотелось бы обсуждать с родителем.

Некоторое время мы ехали молча, потом отец опять заговорил:

— Я помню, что три дня назад тебе исполнилось двадцать. Теперь, по законам корпорации, ты сама можешь принимать решения, за которые будешь нести ответственность.

— Я понимаю, отец.

— Тогда я хотел бы услышать о твоих дальнейших планах.

— Первое время я хотела бы, если вы не возражаете, жить в загородном поместье и работать в Лемнискату, а потом, если позволят средства, куплю себе дом.

Услышав о моих планах, папа нахмурился:

— Ольга, я осознаю, что мы с твоей мамой далеко не образцовые родители, и сейчас понимаю, что зря в прошлом при решении ряда вопросов пошел у нее на поводу. И тем не менее то, что ты живешь отдельно в поместье, и так вызывает вопросы в обществе, а если переедешь, да еще и будучи незамужем, это даст пищу уже для слухов.

— Они нежелательны для вас? — поинтересовалась я, сдерживаясь, чтобы не вспылить.

— Это в первую очередь коснется тебя, а не нас. Ты в течение десяти лет очень много времени проводила в Лемнискату, которая придерживается либеральных взглядов в отношении статуса женщин, давая тем самым вам большую свободу. В светском же обществе царят более консервативные взгляды.

— Я подумаю над вашими словами, отец, но жить в городе точно не буду.

— Ольга...

Но тут скрипнула, открываясь, дверца кареты, и папа вынужденно замолчал: мы приехали на бал.

Ступив на парадную лестницу, я осмотрелась: императорский дворец горел множеством огней, одни за другими прибывали нарядные гости.

Да... На общем фоне я в своем белом платье и с одним изящным колье выгляжу просто удивительной скромницей.

Взяв под руку отца, я направилась вверх по лестнице в холл, а затем и в бальный зал.

Он был богато украшен позолоченной лепниной, фресками и мраморными статуями, повсюду стояли высокие вазы с цветами. В самом зале уже находилось большое количество народа.

Первым делом мы подошли к императорской семье, я была им представлена, когда была

еще маленькой.

Царь чинно нам кивнул, царица улыбнулась, после папа проводил меня к одному из углов шестиугольного зала, где мы договорились встретиться с родственниками, и отлучился по своим делам.

Я же, пробравшись к бабушке, которая была правнучкой творца первой степени прошлого поколения, увидела рядом с ней *его* — самого потрясающего, самого красивого мужчину.

Высокий, хорошо сложенный, с бесшумной кошачьей походкой, которую я часто видела издали, словно постоянно готов к смертельному броску. Рыжие, слегка вьющиеся волосы. Глаза — расплавленные искрящиеся изумруды, гипнотизирующие собеседника и тем более — собеседницу. Тонкие, немного заостренные, благородные черты лица, способные в секунду измениться, превращая галантного светского мужчину в чертовски опасного, решительного человека. Несмотря на то, что сейчас царил лето, он был на удивление бледен, хотя ему это шло.

Помимо внешнего совершенства, этот человек обладал еще и очень сильной харизмой. Я знала этого джентльмена. Знала и уже много лет не могла забыть, как он когда-то повлиял на мою судьбу. Передо мной, рядом с моей бабушкой, стоял Алексей Разинский.

Подойдя поближе, я встретила взглядом ярко-зеленых глаз.

— Алексей, вы, наверное, не помните... — начала моя бабушка.

— Что вы, ваше сиятельство! Как я могу забыть вашу внучку? — возразил он и, чуть усмехнувшись, добавил: — Такие моменты не забываются.

После чего мне поклонились со всей возможной элегантностью и... легкой насмешкой.

— Ольга, это...

— Я знаю, бабушка. Наш глубокоуважаемый первый творец, который, как все знают, не совершает ошибок, — и я ответила на поклон книксеном, постаравшись присесть как можно более безупречно.

— Дорогая, ты так редко выходишь в свет... Впрочем, как и Алексей. Правда, ты очень прилежно трудишься, в отличие от этой бездельницы Светланы.

На это замечание и я, и творец лишь приподняли брови. Мы в удивлении уставились на бабушку, но, увы, по разным причинам.

Я была поражена тем, что бабуля так выразилась о Светлане в присутствии данного джентльмена, хотя все в нашей семье знали о страсти сестры к Разинскому. Да что семья — весь свет был в курсе! А творец, наверное, был в шоке от того, что меня сравнили с такой прекрасной девушкой, от которой он, скорее всего, тоже в полном восторге...

— У вас есть еще одна внучка, графиня?

У меня совершенно неприлично отвисла челюсть. Разинский напрягся, подумав, что это он сказал нечто недопустимое, а бабушка хохотнула.

— Моя сестра — Светлана Орлова, — ответила я за бабулю.

На лице у Разинского все еще отражалось сильнейшее недоумение, а я постаралась не рассмеяться: Светлана-то думает, что он в нее влюблен и уже засох от тоски.

— Алексей, вам, как и моей внучке, наверное, со мной скучно. Может, вы потанцуете, вместо того чтобы развлекать меня?

На мгновение лицо творца скривилось в гримасе, но он быстро взял себя в руки и сказал:

— Я буду просто счастлив, если мадемуазель окажет мне честь.

— Благодарю вас, господин барон. Но я, пожалуйста, посижу с бабушкой: мы очень давно не виделись, — отказалась я, не желая танцевать с этим нахалом.

И присела на диван.

— Что за чушь? — фыркнула бабушка. — Мы виделись на прошлой неделе.

Я, не ожидая от нее таких слов, растерялась и лихорадочно раздумывала, что бы такое сказать, а Разинский чуть сузившимися глазами пристально наблюдал за мной.

Видимо, размышлял, как я могла отказаться от такой чести, как танец с настолько популярным кавалером, как он. Но не успела я придумать достойную причину для отказа, как подошли сестра и мать.

Поприветствовав бабушку и Разинского, мама, пока сестра притворялась кротким и милым созданием, спросила у творца:

— Что же вы, совсем не развлекаетесь?

На что тот, улыбнувшись, сообщил:

— Я как раз пригласил на танец вашу дочь и надеюсь, она не откажет мне в удовольствии потанцевать с ней.

Мама довольно улыбнулась, сестра, судя по ее лицу, лихорадочно соображала, как же она пропустила приглашение, а бабушка заявила:

— Конечно, не откажет. Ольга?

Посидев несколько мгновений в поисках решения, но так ничего и не придумав, я встала и протянула руку мужчине.

Даже сквозь ткань двух перчаток — моей и его — чувствовалось, какая горячая у него кисть. Как же это обстоятельство не сочетается с цветом его кожи!

— Вы так пристально смотрите на меня, госпожа Орлова. Тому есть причина?

— Сопоставляю свои впечатления, насколько вы изменились с момента нашего знакомства.

Приподняв бровь, творец повел меня в центр зала, и мы встали, приготовившись к танцу.

— И как?

— Изменились вы не сильно, разве что ваши манеры стали лучше.

После этих слов барон рассмеялся:

— Вот она — прямота женщины, работающей на Лемнискату! Хотя ваши высказывания — на грани оскорбления даже для корпорации.

Я проигнорировала это замечание, так как заиграла музыка и начался танец.

Делая первые шаги, я исподтишка рассматривала одного из самых удачливых творцов, который уже на протяжении многих лет выполняет для Лемнискату задания, и выполняет блестяще.

Сейчас в корпорации они — вместе со вторым творцом — самые известные и значимые люди. Да и в светском обществе, благодаря красоте и некоторой дерзости, он очень популярен. Смелые манеры не прощаются только женщинам.

Во время танца Разинский практически не сводил с меня пристального, насмешливого взгляда. Также я заметила, что не менее пристальный, но только ненавидящий взгляд на меня устремила сестра. Она, видимо, полагала, что я пытаюсь завлечь господина барона. А вот мне от такого внимания сейчас было сильно не по себе.

Но вот наступил момент, когда танец закончился, и меня сразу отвели к родственникам.

— Благодарю вас, ваше сиятельство, за танец. Вы прекрасно танцуете, — услышала я

и мысленно возблагодарила месье Лурье за его безжалостность в обучении.

После этого творец нас покинул, а я — впервые за долгое время — удостоилась одобрительной улыбки матери.

Далее вечер протекал гораздо спокойнее, я даже умудрилась поболтать с младшей царевной, великой княжной Анастасией.

И хотя ей было всего одиннадцать лет, этот разговор доставил мне несколько приятных минут, пока моя собеседница не поинтересовалась:

— Мадемуазель Ольга, почему вы совсем не танцуете?

— Что вы, ваше императорское высочество, я в начале вечера танцевала, а потом столь утонченное общество так увлекло меня разнообразным и интереснейшим общением, что я не в силах была прервать ни один свой разговор. Тем более — с вами.

Не покривила я душой только в отношении самой дочери императора, поскольку в большинстве своем высший свет был довольно банален.

— О! Тогда я настаиваю, чтобы вы приняли приглашение первого же джентльмена, который попросит вас о танце, — лукаво улыбнулась юная великая княжна.

— Хорошо, ваше императорское высочество.

Но не успела я договорить, как сзади раздался голос, который заставил меня вздрогнуть:

— Тогда позволит ли мадемуазель Орлова пригласить ее на танец? Вы ведь не откажете мне, к тому же такова просьба самой великой княжны.

И, склонившись в поклоне, Разинский прикоснулся губами к руке Анастасии, обаятельно улыбнувшись. Девочка зарделась.

— Правда, мадемуазель Ольга, идите с его светлостью танцевать. Говорят, он замечательный танцор.

— Мадемуазель Орлова уже могла сегодня это оценить. И сама она танцует практически так же прекрасно, как вы, ваше императорское высочество. Поэтому я и прошу ее оказать мне такую честь второй раз. Мы можем встать в танце подле вас и вашего партнера.

— Прекрасная идея, — засмеялась Анастасия, очень довольная своей шуткой, и мы направились в центр зала.

Благодаря тому что танец мы начинали рядом с юной царевной, все взгляды были направлены в нашу сторону. Вот заиграла музыка, и мы в молчании начали движение.

Только немного позже я решила задать мучающий меня вопрос:

— Ваше сиятельство, чем я заслужила подобное внимание?

Приподняв одну бровь, Разинский чуть насмешливо спросил в ответ:

— А вариант, что я от вас без ума, вами не рассматривается?

Я удивилась: творец откровенно мне дерзил.

— Нет.

— Почему же?

— Может, сначала ответите на мой вопрос? — ответила я дерзостью на дерзость.

— Простите, забылся, — улыбнулся Разинский, поворачивая меня в танце и касаясь руки. — Раз дама хочет правды, кто я такой, чтобы отказывать ей в этом?

Еще раз плавно крутанув меня, господин барон продолжил:

— Я весь вечер наблюдаю за вами, и что-то в вас кажется мне странным. Но все никак не удастся понять, что именно. А я не люблю чего-то не понимать.

Ох, боже ж ты мой, какие мы внимательные! Но вместе с удивлением в мою душу вползло и чувство страха. Я испугалась того, что этот мужчина откроет мою тайну, которую я

еще не готова обнародовать. Творцы, как собаки, всегда чувствуют друг друга. А ведь моя жизнь только-только начала налаживаться.

В связи с этим я замолчала, а творец продолжал наблюдать — пристально, словно змея, заставляя меня нервничать. И только музыка смолкла, я чуть ли не силком потащила своего партнера через весь зал, хотя по правилам он еще должен был у меня уточнить, куда именно следует меня отвести. Ничего я так в тот момент не хотела, как оказаться в кругу своей семьи.

Только мы подошли к бабушке, как я поймала холодный, просто убийственный взгляд сестры, которая находилась подле нее. У меня мелькнула мысль: «А не вернуться ли обратно и потанцевать с кем-нибудь еще?»

Но это было выше моих сил. Творец откланялся и ушел, а я придвинулась поближе к бабушке, стараясь успокоиться.

До конца вечера я еще семь раз получала приглашения на танец, чего раньше никогда не случалось. Странно, неужели внимание Разинского сделало меня популярной?

На мое несчастье, повышенное внимание мужского пола ко мне отметила не только я, но и матушка.

И едва мы переступили порог отчего дома, она скомандовала:

— Светлана, отправляйся в свою комнату. А ты, Ольга, пройди в гостиную. Нам с отцом нужно с тобой поговорить.

Сестра, зыркнув на меня исподлобья, принялась медленно расстегивать свою накидку. Понятно: будет подслушивать. Я же, желая, чтобы все поскорее закончилось, сбросила с плеч палантин и направилась в гостиную следом за родителями.

Отец, как всегда, расположился около камина, а мама стала расхаживать взад-вперед по комнате, что совершенно не подобало светской даме. Я же, присев на диван, приготовилась ждать.

И вот спустя несколько мгновений матушка начала:

— Дочь, я давно задумываюсь над твоей судьбой, и мне кажется, тебе уже давно пора присмотреть себе претендента в мужья. Мы с твоим отцом не вечны.

Только я хотела что-то сказать, как мама подняла руку ладонью в мою сторону.

— Я знаю, что ты мне скажешь. Конечно, есть еще старшая сестра. Светлана красива, и найти ей мужа — это лишь вопрос времени. Она, конечно, метила на место супруги барона Разинского, но, поговорив сегодня с бабушкой, я поняла, что у нее нет шансов. А вот на тебя он обратил внимание.

Только не то, которое тебе хотелось бы, мама.

— И мне кажется, ты должна приложить все силы, чтобы заполучить его.

— А что, если он мне не нравится?

— Что за глупости? Как он может не нравиться? Он красив, обаятелен, и он — творец первой степени, а значит, еще и очень богат! Я настаиваю!

Тут уж мама явно перегнула палку, и я напомнила:

— Видимо, матушка, вы забыли, что у вашей дочери три дня назад был день рождения, а значит, я сама вправе решать свою судьбу. К тому же ваших взглядов я не разделяю: мне моя жизнь представляется другой.

— Это какой же? Мечтаешь стать старой девой? Кто возьмет замуж женщину, которая ничего, кроме своей Лемнискату, не замечает?

— Мне кажется, несколько минут назад вы говорили о моих шансах на брак с Разинским

и прочими джентльменами?

— Ольга, истинной благовоспитанной барышне...

— А я не истинная благовоспитанная барышня, матушка, и быть ею не стремлюсь. Свое решение я приняла. А теперь — извините.

— Ольга! — прикрикнула мать, когда я повернулась к ней спиной. — Я не разрешала тебе удалиться!

Но я, уже ничего не слушая, поднималась в комнату. День был долгим, вечер тяжелым, так что сейчас побыстрее раздеться и баиньки.

Но только успела я войти к себе и позвать горничную, как в мою комнату влетела сестра, вся в слезах.

— Я не позволю тебе! Слышишь?! — кричала она, потрясая кулачками.

— О чем ты говоришь? — растерялась я.

— Не притворяйся! Ты это специально задумала, но я не позволю тебе заполучить его! Разинский будет мой!

Так вот оно в чем дело! В полном молчании я взирала на эту истерику и слушала вопли сестры, не представляя, что делать.

— Как вообще на тебя можно смотреть, когда рядом я?! Это же просто смешно!

В этот момент в комнату влетели перепуганные родители, привлеченные шумом, и в изумлении уставились на рыдающую Светлану, которая, не обращая на них внимания, выкрикивала:

— Ты просто никто и ничто! Все так считают! И десять лет назад ты подтвердила это!.. Ты всю семью поставила в неловкое положение своим враньем! Я лучше тебя, слышишь?! Все равно он будет моим!

— Светлана, что ты такое говоришь? Прекрати немедленно! Ольга — твоя сестра!

— Ах, маман, вы ничего не понимаете! Она все подстроила, все специально. И тогда, и сейчас. А теперь прикидывается невинной овечкой!

— Молчать! — неожиданно раздался громкий голос отца.

Мы все в шоке и сильном волнении посмотрели на него. Лицо отца потемнело от гнева, и было видно, что он еле сдерживается.

— Светлана! Немедленно иди в свою комнату. И чтобы больше я тебя не слышал.

— Но, папа...

— Ты меня слышала?! С тобой я поговорю завтра.

Снова расплакавшись, сестра выбежала прочь, а отец, взяв расстроенную маму под руку, направился к выходу:

— Спокойной ночи, Ольга.

— Спокойной ночи, папа, — откликнулась я.

После того как все покинули комнату, я упала на кровать. Как же я от всего этого устала! Уехать бы куда-нибудь...

Но не успела я додумать эту мысль, как почувствовала, что комната смещается куда-то в сторону, а в желудке появилось тянущее ощущение резкого прыжка.

Я едва успела настроиться на место перемещения.

Утром меня разбудила горничная словами:

— Барышня, пора одеваться.

Еле открыв глаза, я простонала:

— Может, я не пойду?

Вернувшись обратно после прыжка во времени, я легла очень поздно, да к тому же и замерзла сильно.

— Не думаю, барышня. Ваши родители сегодня все утро не в духе были, а час назад у них с вашей сестрой вышел жуткий скандал. Светлана Александровна выбежали вся в слезах.

— Теперь еще и ее ждать, так что можно не торопиться, — усмехнулась я.

— Нет, барышня, они уже практически одеты. Наталья Сергеевна сегодня дали по поводу времени строгие указания, и вам бы тоже нужно поторапливаться.

После таких сведений я приподняла брови, подумав: «Неужели любимица наказана?»

Но делать было нечего, пришлось одеваться, да побыстрее. Закончив приводить себя в порядок, я взглянула в зеркало и осталась довольна своим внешним видом.

Мероприятие, ради которого меня заставили вылезти из теплой постельки, проводилось за городом, в одном из частных владений Лемнискату.

Это был огромный комплекс зданий в стиле барокко с большим внутренним двором, выложенным камнем, и стеной, окружающей все это великолепие. Мы не торопясь прошли через высокую арку, попав во внутренний двор, полюбовались искусственными прудиками и фонтанами, в которых замерли статуи обнаженных греческих богов и плавали золотые рыбки.

Николай тут же принялся исследовать множество других арочных проемов, в которых иногда прятались лавочки. А я снисходительно наблюдала за братом. Затем мы дружно прошли в главное здание, похожее на французский замок с высокими стрельчатыми окнами, украшенными витражами.

Многие именитые люди, обладающие в этом мире существенным влиянием, присутствовали здесь со своими семьями. Праздник обещал быть шикарным...

Выполнив свой светский долг — то есть покрутившись между гостями достаточное количество времени, — я решила, что остаток вечера проведу с братом, и спустилась с ним на террасу в сад.

Здесь, в окружении белоснежных резных колонн, были посажены розовые кусты, которые, переплетаясь, создавали красивую уютную атмосферу и иллюзию уединенности.

Но день, начавшийся столь необычно, преподнес еще один сюрприз. Через полчаса игры мы с братом услышали шум и крики. Все, кто находился на тот момент в саду, с тревогой начали озираться, некоторые поспешили к особняку. Я притянула к себе Николая, посматривая по сторонам и стараясь закрыть его от потенциальной опасности. Знать бы еще, откуда она последует?

Только этот вопрос пришел мне в голову, как возле особняка появились вооруженные люди. При виде их количества и того мастерства, с каким они обращались с оружием, мое беспокойство усилилось.

Наша охрана, призванная следить за порядком, бросилась на защиту гостей, но противников было слишком много, и, хотя их теснили, увы, происходило это слишком медленно.

Схватка закипела и на балконе, откуда прекрасно просматривался весь сад. И, конечно же, мы — гости, вышедшие прогуляться и отдохнуть от шума и суеты.

Вот двое из вражеских воинов развернулись и, под прикрытием товарищей, атаковали нас. Среди нападающих были и обычные люди, и дуовиты. Внешне похожие на обычного человека, дуовиты умели обращаться с чистой энергией, вот только когда они использовали

ее, их лица становились серыми и потрескавшимися, а глаза — совсем черными.

Самый худой из дуовитов, с пронизывающим взором, стегал энергией особенно умело.

Неожиданно из одного из окон дома послышался крик мамы, зовущей Николая. Не меня... Ну да, она ведь была уверена, что я — бесполезная обуза, которая принесла им в жизни только разочарование и позор.

Худой, заметив, на кого именно смотрит матушка, тоже обратил на нас внимание. Было заметно, что он собирает побольше энергии для атаки, но тут неожиданно ему помешали.

Разинский отбил от своих противников и швырнул сгусток энергии в худого, вынудив того защищаться. Но вот на Алексея налетели еще двое, и он отвлекся на них, следя за худым дуовитом краем глаза, — должно быть, решил помешать атаке чуть погодя.

Большинство присутствующих отлично поняли, кто будет следующей жертвой. А для меня в этот миг стало ясно, что пришло время делать выбор. Мне придется открыть так тщательно охраняемый ото всех секрет — или погибнем и я, и брат.

Собрав всю доступную энергию, я активировала алый щит, с которым экспериментировала уже много лет, и практически одновременно с этим мужчина метнул в меня сгусток «белой смерти». Щит выдержал.

Сила «белой смерти» была чудовищной, но я оказалась не так проста. В конце концов, творец первой степени!

Нападающий буквально остолбенел, уставившись на меня во все глаза. Изумились и представители руководства Лемнискату, которые тем не менее старались побыстрее добить противников.

Но когда худощавый предпринял новую серию атак, мне стало не до чужих впечатлений. Дуовит начал наносить один удар за другим, постепенно истощая мои силы, но и опустошаясь при этом сам.

Энергия сверкала и переливалась в воздухе еле различимым серебристым потоком, обжигая и убивая. Не знаю, как другие, но я видела ее отчетливо, и, несмотря на смертельную опасность, она меня восхищала.

Для поддержания защиты начала расходоваться моя жизненная энергия, и я медленно опустилась на колени, а из носа потекла кровь, заливая губы. Ее соленый вкус я сейчас особенно остро ощутила. У нападающего, судя по всему, силы осталось на последний удар, и его я уже не выдержу. Прикрывать и себя, и брата больше не смогу.

Помимо того, что я была практически обессилена, истощался и мой контроль над собственными способностями. Сдерживаемая энергия времени вырвалась наружу, сметая остатки контроля, который и так давался с огромным трудом.

Видя, что нападающий замахнулся для последнего удара, а никто из творцов не успевает ему помешать, я поняла, что пришло время раскрыть свой последний козырь.

Толкнув брата на траву и накинув на него энергетический щит, я почувствовала, как смещается мир, а время замедляет свой бег. Повернувшись в сторону своего противника, увидела, что Разинский наконец-то схватил его, а теперь с ошеломленным, как и у всех остальных, лицом смотрит в мою сторону...

Бой закончился. Но мне все это было уже неважно, так как в этот момент в меня ударила, обжигая, чистая энергия, а воронка временного прыжка сомкнулась, унося в другое время.

Ну вот, все тайны раскрыты, а маски сброшены. Одно радовало — брата спасти я успела.

Первые несколько секунд я ничего не чувствовала, а потом пришла боль. Болели тело, руки и лицо, все буквально горело огнем. Просто невыносимо!

Было очень трудно дышать. Вроде бы нормальный воздух, но в легких он ощущается горячей, тягучей, влажной субстанцией.

Лежа на голой земле, я приоткрыла один глаз и застонала от боли и потрясения. Меня окружали огромные растения. И не просто огромные, а гигантские! Тело болело, как будто по нему прошли дубиной, голова кружилась.

Едва приподнявшись на локте, я, насколько позволяло мое состояние, огляделась. Местность, в которой я оказалась, напоминала субтропики.

Подобные растения я видела лишь в географическом атласе по палеонтологии. Невероятных высоты и многообразия папоротники, грибы в мой рост. Толстенные, кажется, секвойи. Даже если задрать голову, то верхушек их крон не видно.

Мимо неожиданно пробежал огромный паук, и я возрадовалась, что он не заинтересовался мною. Неожиданно вспомнилась сказка Джонатана Свифта, которую читала мне в детстве нянюшка, и я подумала, что напоминаю себе Гулливера в стране великанов.

И именно в этот момент меня озарило — я попала в прошлое на многие тысячи лет назад!

Понимая, что в ближайшие полчаса обратно не прыгну и, скорее всего, придется ждать, когда время заберет меня само, я решила куда-нибудь заползти, чтобы не стать чьим-то обедом.

Поблизости возвышалась гряда из нескольких каменных глыб, внизу под которыми проглядывала щель. Хорошо бы туда пролезть...

Кое-как поднявшись и стараясь не обращать внимания на боль, я доковыляла до нужного мне места, ухитрившись еще и подобрать по пути какую-то палку. Осторожно улегшись на живот, потыкала в эту естественную нору найденным оружием и, убедившись в отсутствии нежеланных соседей, заползла под глыбу. Будем надеяться, что никакая живность здесь в ближайшие десять часов не появится.

Устроившись поудобнее, я наконец позволила себе немного расслабиться. Тонкое нарядное платье для подобного приключения оказалось не очень приспособленным. Камешки впивались в кожу, да и, пока заползала сюда, основательно поцарапалась. И так как боль чуть-чуть отошла на второй план, на первый произвольно вылезли другие вопросы.

Я задумалась, чем может мне грозить произошедшее.

Прыжки на много веков назад считаются очень опасными. Помимо того, что такое спонтанное перемещение, как у меня, — это большой стресс для организма, так еще и готовятся творцы к таким прыжкам постепенно, каждый раз прыгая все дальше и дальше в прошлое, пока не достигают своего максимума.

У меня же организм был спровоцирован на подобный прыжок стрессовой ситуацией и опасностью. Но, увы, он был совсем не подготовлен. То, что я не преставилась, — просто чудо и причина для гордости. Не каждый творец может перемещаться так далеко. И этот прыжок спас мне жизнь.

Впрочем, я рано обрадовалась: неизвестно, каких инфекций я могу тут нахвататься, да еще и остро стоит вопрос местных обитателей.

Но основательно подумать о здешней флоре и фауне я не успела, ибо мое обожженное лицо начало не столько болеть, сколько чесаться. Сильно чесаться. Потом — сильнее и сильнее. Зуд потихоньку сводил меня с ума.

Не знаю, сколько времени я пыталась сдерживаться, но потом начала аккуратно поглаживать и тереть щеки, стараясь не издавать никаких звуков, хоть это было и трудно.

Несмотря на то что я уже немного привыкла к окружающей реальности и дышать стало чуть-чуть полегче, тем не менее каждый вдох порождал неприятные ощущения.

Так продолжалось, наверное, несколько часов, после чего зуд уменьшился, а потом и совсем прекратился. Я даже немного задремала, благо земля была теплой, хоть и влажной.

В реальность меня вернул подозрительный гулкий ритмичный звук. Невдалеке явно ходил кто-то тяжелый, и, как только я поняла это, мне пришлось приложить массу усилий, чтобы не вскрикнуть и не заползти поглубже. Все равно некуда. Я замерла.

Топот постепенно приближался, и вскоре я ощутила, как под щекой вздрагивает земля, а затем в поле моего зрения появилась огромная чешуйчатая лапа рептилии — размером, наверное, с человеческое тело.

Я рефлекторно вжалась всем телом в землю, мечтая вообще куда-нибудь провалиться. Для большей безопасности даже зажала себе рот рукой.

Очень большая рептилия стала принюхиваться. В том положении, в каком я находилась, я смогла увидеть край ее морды с носовыми щелями. И дышала она шумно, словно заправская лошадь.

Чудовище подошло практически вплотную к расщелине под скалой, где в полном ужасе лежала я. И вдруг резко наклонилось — и на меня уставился желтый глаз с вертикальным зрачком, а потом в поле зрения появились жуткие зубы. В такой пасти я вся умещусь, а зверюга этого даже не заметит!

На этот раз, не выдержав, я что есть мочи заорала:

— А-а-а-а-а-а!

Тварь тоже не осталась в долгу и зарычала, как мне кажется, в полном восторге от того, что нашлась добыча.

Правда, нагромождение камней мешало хищнику достичь цели. Боднув глыбу и досадливо заревев, он немного отступил и принялся, не прекращая реветь, крошить скалу когтями.

Но вскоре тварь изменила тактику и принялась ковырять землю. Пару минут спустя жуткие когти проходили практически у меня перед носом. Я прижималась к скале, но когти, наконец, подцепили шелк и потащили к себе. Послышался треск — ткань лопнула по шву.

А я, заорав в очередной раз, постаралась сконцентрироваться, чтобы прыгнуть назад. Тело пронзила боль, но я не поддаюсь неприятным ощущениям и продолжала настраиваться на прыжок, хоть беснующаяся тварь этому мало способствовала.

Наконец, когда я думала, что сойду с ума от пронизывающей боли, а рептилия уже вытягивала меня из-под камня, я почувствовала, как мир расплывается.

Выдохнув: «Слава богу», — перенеслась в свое время.

А там меня уже поджидали...

Еще не понимая, в какой именно реальности нахожусь, я, увидев тени, скользнувшие ко мне в еще размытом мире, снова закричала и дернулась назад. А когда меня схватили чьи-то руки, судорожно забились. Изо всех сил. Но вконец сорванное горло отказалось издавать громкие звуки, и ко мне пришла спасительная темнота.

Очнулась я в помещении, напоминающем лазарет у наших лекарей, но это была другая комната — с зелеными драпировками на стенах. Посмотрев по сторонам, заметила седовласого мужчину с добрым лицом, одетого в темный сюртук и — поверх него — в белый халат, и наткнулась на ответный внимательный взгляд.

Желая поприветствовать седовласого джентльмена, я хотела хоть что-то произнести, но без толку.

— Не стоит, юная барышня, пытаться заговорить. У вас сорван голос. Видимо, вы сильно кричали в последнее время. Я прав?

Я молча кивнула.

— Так я и думал. Сейчас вы находитесь в отделении творцов, в медицинской комнате. Я — доктор Кованиц, и я настоятельно рекомендую вам поехать сегодня домой.

Увидев ужас, промелькнувший у меня на лице, доктор поспешил успокоить:

— Понимаю. Если хотите побыть в тишине и покое, то корпорация может предложить вам комнату, где вы сможете отдохнуть.

Я поспешно закивала.

— Вот и договорились. Заседание по вашему делу назначено на завтра, — улыбнувшись моей озадаченности, доктор пояснил: — Не думали же вы, что такое событие, как обнаружение еще одного творца, пройдет незаметно?

Я лишь пожала плечами.

— Давайте-ка я проведу полное обследование и необходимые процедуры, чтобы вы завтра были хоть немного в форме, и провожу вас в комнату для отдыха.

Доктор не обманул и после всех манипуляций с приборами и лекарствами, вопросов, ответы на которые я писала на бумаге, и анализов меня проводили в довольно-таки шикарные апартаменты с двуспальной кроватью и все тем же красно-зеленым убранством.

Едва я оказалась одна, как подумала, что и так сегодня много отдыхала, пока находилась в обмороке, поэтому, подойдя к секретеру, открыла его и, достав листы бумаги, села писать.

Мысли метались в голове, словно рой пчел, и я начала переносить их на бумагу, чтобы хоть как-то упорядочить.

Забыться сном удалось только ближе к утру.

Мне очень не хотелось ехать домой. Сейчас там сидят обеспокоенные родители, с которыми меня ждет непростой разговор. Очень, очень непростой разговор.

Есть еще сестра и младший брат, и именно он является одной из основных причин, почему я все же решила на вторую ночь отправиться ночевать в отчий дом.

Голос ко мне вернулся, но доктор строго-настрого запретил перенапрягать связки.

В корпорации пока не установили, почему они были повреждены. И вообще, сначала нужно определиться с тем временем, куда я попала. Хорошо уже то, что хоть никакой инфекции не подцепила.

Вот карета остановилась перед домом и, покинув ее, я вошла в городскую резиденцию родителей.

В первое мгновение холл встретил меня тишиной, а потом ее нарушил радостный голос брата. И вот уже он сам несется мне навстречу, выкрикивая мое имя.

Присев, я поймала его в свои объятия и, сжав такое родное тельце, спросила:

— С тобой все в порядке?

— Да! Но я так испугался! Просто ужасно! Сначала они напали, потом ты что-то сделала, и нас не ранили, но потом в тебя попали, и ты пропала! Оля, с тобой все хорошо?

— Конечно, хороший мой, что мне сделается? Расскажи, чем ты тут занимаешься?

— Играю в индейцев! Ты присоединишься ко мне?

— Конечно.

— Ой, ты же сначала должна зайти в гостиную. Тебя ждут мама и папа.

Ох!

— Откуда ты знаешь?

— Домой мы все приехали очень расстроенные...

Неужели и Светлана переживала?

— Мама плакала, а папа говорил ей, что нужно подождать. Что ты должна вернуться!

Поцеловав брата в макушку, я отослала его играть дальше, а сама отправилась испытывать свое мужество.

К гостиной я подходила с тяжелым сердцем. Стремительность событий последних дней сильно выбила меня из колеи. Но делать нечего, разговора все равно не избежать, поэтому, глубоко вздохнув, я открыла дверь и вошла.

Мама в задумчивости полулежала на диване. Кажется, она немного постарела за эти дни. Отец же, как обычно, сидел в кресле около камина. Это происшествие и на папе оставило свой отпечаток — он выглядел уставшим и изможденным.

При моем появлении оба родителя резко развернулись в мою сторону, а мама, вскочив, подошла ко мне. Взяв мое лицо в руки, внимательно его осмотрела.

— С тобой все в порядке?

Я отстранилась и, пройдя к камину, присела в кресло рядом с отцовским:

— Со мной все хорошо. Есть, конечно, синяки, ссадины... но в остальном обследование показало, что последствий быть не должно. В физическом плане.

При этих моих словах мама подтащила к нам стул и, присев, настороженно посмотрела на меня.

— Что ты имеешь в виду?

— Попадание «белой смертью» спровоцировало прыжок. Как мне кажется, далеко в прошлое. Очень далеко. А при преодолении больших временных отрезков без предварительной подготовки творец может потерять контроль над даром.

— О боже... — пробормотал отец.

— Но ты смогла вернуться! — воскликнула мама.

— Да. Но в точности все станет ясно после того, как я выберу тотем.

— Как прошел совет директоров? — обеспокоенно нахмурился папа.

— Вполне спокойно и предсказуемо. Теперь я работаю на корпорацию, а вам, отец, дадут полную свободу в исследованиях, а также финансирование, в которых было отказано ранее.

— Они сами предложили? — растерялся глава семьи.

— Нет, это было одним из моих условий.

Погладив меня по щеке, мама заметила:

— Такая нежная...

— Это новая кожа.

Матушка с отцом посмотрели на меня непонимающе.

— В смысле — новая? — ошарашенно спросила мама.

— Творца очень сложно убить. Время и генная мутация дают нам небольшое преимущество перед обычными людьми. И чем больше наши способности, тем дольше мы живем. Энергия нанесла мне очень сильные ожоги, в итоге поврежденная кожа слезла, и на ее месте появилась новая. Как у ребенка... — улыбнулась я холодно и добавила: — Раньше я думала, что змея на гербе творцов изображена как символ мудрости и бесконечности. Но, наверное, не все так просто...

Сейчас я уже смирилась с мыслью, что у меня может слезать кожа, но когда мне доктор вчера во время процедур все это рассказывал, со мной случилась истерика.

Как только родители оправились от шока, отец тихо проговорил:

— Мы очень перед тобой виноваты... не поверили тебе тогда.

Я промолчала. Да и что тут можно сказать, если я тоже так считаю? Прислушайся они тогда ко мне, все было бы по-другому.

— Но как же переходный период?.. — растерянно спросила мама.

— Он был. Тогда няня подумала, что я умираю, и отправила к вам гонца.

— К нам никто не приезжал, — нахмурился папа.

— Я знаю, — отстраненным голосом заметила я. — Его убили по дороге, а нам прислали письмо, что вы его уволили.

— Что же ты должна была подумать о нас... — глядя на меня расширившимися глазами, прошептал отец.

В комнате повисла тишина.

— Как ты могла такое о нас подумать?! — воскликнула мама и, вскочив, нервно заходила по комнате.

Все звенящее напряжение последнего времени сказалось на мне, вырвавшись наружу, и я, повысив голос, заговорила:

— Как я могла подумать?! А что может думать девочка, родители которой перестали ее замечать, как только решили, что она не особенная? Что я должна была думать, когда в одиночку боролась за свою жизнь? Мне было десять лет! Я была еще совсем ребенком! Я ведь писала вам, но вы не поверили мне и пригрозили выгнать няню — единственного человека, который поддерживал меня все это время и помог не сломаться! Вы оставили меня наедине с моей сущностью, и я одна боролась со своим даром и мутацией. Что после всего этого я должна была думать, судите сами, — и я направилась к двери.

Отец меня позвал, но мне было все равно...

Открыв дверь, я увидела подслушивающую Светлану. Оттолкнув ее с дороги так, что она упала, я стремительно понеслась в свою комнату и закрылась на защелку.

Забравшись с ногами на кровать, я прикрыла глаза, из которых катились крупные слезы. Мои руки светились красным, словно стараясь закрыть меня коконом, защитить.

Много лет я боролась со своей натурой, скрывала, много лет я не хотела думать о том, как поступили тогда родители. А сейчас поняла, что закрываю дверь в свою юность и спокойную жизнь. Теперь все будет по-другому...

Подумав об этом, я вспомнила вчерашнее собрание в отделении...

...Мне дали немного времени прийти в себя после пробуждения и проводили в зал совещаний уже после обеда.

На тот момент там собрался весь совет директоров корпорации, а также творцы, которые сидели чуть в стороне. Рядом с ними стояло еще одно кресло.

— Добрый день, госпожа Орлова, — поднялся со своего места князь Лехвицкий, за ним встали все остальные. — Прошу вас, проходите и займите свое место.

Последовав предложению, я присела рядом со вторым творцом, стараясь не смотреть на Разинского. По лицам обоих мужчин было видно, что настроение у них не самое радужное, а между бровями залегли тревожные складки.

Расположившись поудобнее, я взглянула на членов совета, повернувшихся в нашу сторону.

— Госпожа Ольга, со мной вы знакомы. Позвольте представить моих коллег. Как вы, наверное, знаете, в совет входит тринадцать человек. Каждый из них, кроме того что занимает директорское кресло, курирует в корпорации свою область. Здесь присутствуют главы отделов культуры, финансов, здравоохранения, безопасности, связи с общественностью, общих вопросов, религии, политики, образования, — представлял князь своих коллег. — И, конечно, люди, работающие на нашу организацию. Лично со всеми вы познакомитесь чуть позже.

Глядя на всех этих людей, я понимала, что хоть они и не занимают публичных должностей ни в европейских государствах, ни в России, но зато имеют очень сильное влияние в своей области, находясь при этом в тени.

— Заканчивая знакомства, я хочу представить вам господина Джеймса Мэллори. С его сиятельством Алексеем Михайловичем Разинским вы были представлены друг другу ранее.

Я кивнула.

— Теперь перейдем к причине, по которой мы сегодня собрались. А именно той, что в корпорации — большая радость: мы нашли еще одного творца!

— Вообще-то мы уже давно могли бы его найти, — недовольно заметил глава отдела здравоохранения — маленький, среднего возраста, темноволосый мужчина.

В зале повисла тишина, и Лехвицкий взглянул на меня из-под бровей.

— Да... Тогда, десять лет назад, произошла ошибка. Но я думаю, никто не держит ни на кого зла? — поинтересовался у меня глава Лемнискату.

— А вы как думаете? — равнодушно произнесла я, глядя прямо на князя. Мною владело странное безразличие. — Вы хоть представляете, что мне пришлось пережить? Чужая ошибка, — в этот момент я посмотрела на Разинского, который сидел белый как мел, — чуть не стоила мне жизни. Я долгое время училась в корпорации и хорошо знаю, что у меня раньше всех активировалась мутация. Не могу сказать, что в десять лет, находясь на грани смерти, я была счастлива. Поэтому объясните, почему вы считаете, что я должна забыть, как со мной поступили окружающие?

В зале повисло молчание, многие слегка морщились, некоторые поглядывали на меня, кто-то записывал что-то на бумаге.

— И что же вас спасло? — спросила руководитель отдела культуры, единственная женщина в совете. Это была элегантная темноволосая дама с тонкими чертами лица и в строгом костюме.

— Случай и, в некотором роде, поддержка родителей.

— Значит, они были уверены, что вы творец? — поинтересовался Лехвицкий, слегка прищурившись.

— Они надеялись на это, пока вы их не разубедили.

— Почему вы никому не рассказали? — вступил в разговор глава отдела политики, высокий мужчина со светлыми волосами и бесцветными глазами: в такие посмотришь — и сразу становится не по себе.

Чуть повернув голову, я открыто встретила его взгляд и ответила:

— Не имеет значения. И тем не менее, когда я умирала, няня отправила в город посланника, а его сразу же по прибытии уволили.

— От вас в столицу никто не прибывал, — отчеканил руководитель отдела безопасности — крупный мужчина с выправкой военного и тяжелым взглядом.

— Но можно предположить, что вашим посланником был тот человек, которого нашли убитым в канаве недалеко от вашего поместья.

В то время за всеми детьми, даже за не прошедшими собеседование, вели в течение нескольких месяцев наблюдение. На всякий случай. Но основное внимание было приковано тогда к другой девочке. И кто-то, видимо, это заметил. Через несколько дней она была найдена задушенной в собственной постели...

Я прикрыла рот рукой. Это могло произойти и со мной!

— Григорий... — укоризненно произнес князь.

— Простите, мадемуазель, — извинился главный инспектор, — но вам все равно придется рано или поздно привыкать к жестокости и опасностям нашей жизни.

— Конечно, все это нужно будет проверить и провести тщательное расследование, но сейчас мы должны двигаться дальше. Столько предстоит сделать, а времени мало, — быстро заговорил Лехвицкий.

— Что вы имеете в виду? — в один голос спросили я и глава отдела аналитиков.

Кинув на меня суровый взгляд, мой начальник повернулся к князю.

— Вы же не думаете, что я отдам такого перспективного человека после того, как мы столько вложили в нее? К тому же есть правило, согласно которому аналитик не может быть творцом, и наоборот. Это строжайше запрещено!

— О чем ты говоришь, Энтони? Ты представляешь, что сейчас ложится на чаши весов? Творец первой степени — и какой-то аналитик! — не на шутку возмутился князь, испепеляя взглядом главного аналитика.

— И тем не менее есть определенные правила, — насупился тот.

— Она еще не получила должность, ведь так?

Но тут спор двоих влиятельных мужчин прервала я.

— С чего вы взяли, что я соглашусь стать творцом? — приподняв бровь, поинтересовалась я у присутствующих.

Все взгляды устремились на меня, а Разинский начал смеяться — сначала тихо, а потом захохотал в голос.

— Алексей, — строго одернул его Лехвицкий, и тот притих, тая улыбку в уголках губ.

— Вы не сможете справиться со своей силой без тотема, — обратился ко мне глава финансистов — сухонький старичок с черными глазами.

Теперь уже рассмеялась я.

— Вы опоздали с этим утверждением на десять лет. Знаете, сколько я уже живу, постоянно рассчитывая время прыжка: то, куда именно попаду, и попаду ли туда, куда мне нужно?

— Но вы прыгаете во времени все чаще! Сейчас, готов поспорить, практически каждый день. Что будет еще через пару лет? — впервые заговорил глава творцов. Кстати, очень красивый мужчина с немного волнистыми каштановыми волосами и пронзительными глазами.

— Раз уж я в детстве справилась с трудностями, то и сейчас справлюсь, — нахмурившись, ответила я.

— Вы выросли, как и ваша сила, — чуть улыбнувшись, заметил мужчина. — Сдерживать ее долго без тотема вы больше не сможете.

— А может, и смогу, — упрямо возразила я, воинственно подняв подбородок.

Тупиковая ситуация.

— Стоит прояснить еще один момент, — продолжил главный творец. — Корпорация дала вам знания, но может отказать в должности. В этом случае у вас будет только два варианта — выйти замуж или остаться старой девой на попечении своей семьи и брата.

— Или работать на Лемнискату и, опять же, остаться старой девой? Кто меня с такой работой замуж возьмет? — насмешливо улыбнулась я.

— Ну, вполне возможно, многие сотрудники корпорации будут счастливы жениться на вас. Мы этому поспособствуем, — заметил глава отдела политики.

А я сидела и не верила тому, что слышу.

— С таким доходом, какой имеет творец, и способствовать не понадобится, — сквозь смех едва выговорил Разинский, и Мэллори шикнул на него, призывая к порядку.

— Разинский, я рад, что вам смешно. Много поводов для веселья? — резко поинтересовался князь.

Алексей умолк, но улыбаться не перестал.

— Вам и так светит штраф и выговор за поверхностность суждения. Плюс Лемнискату отменяет приоритет мнения одного из творцов, и все серьезные решения вне досягаемости корпорации вы будете теперь принимать голосованием.

Я сидела, смотрела на лица этих влиятельных людей и понимала — никуда я от них не денусь. Такая влиятельная организация умеет получать то, что хочет, так или иначе.

Полюбовавшись на присутствующих еще немного, я решила заканчивать этот разговор.

— Вы ведь понимаете, что я соглашусь, да? — спросила я, ни к кому конкретно не обращаясь.

Ответил мне глава творцов:

— Да. Ведь если вы откажетесь, то ваше настоящее, прошлое и будущее изменятся... и вы знаете, как именно.

— Хорошо, но у меня есть условия...

* * *

«Да. Ведь если вы откажетесь, то ваше настоящее, прошлое и будущее изменятся... и вы знаете, как именно...»

Я и сейчас слышу эти слова. Они эхом отдаются в голове, высушивая мои слезы. До

этого мгновения я не представляла, как важна для меня та реальность, в которой живу. Как важно то, что рядом со мной брат и близкие мне люди.

Если мое настоящее изменится, то родные и знакомые останутся со мной, но будут уже другими. А что самое ужасное — я буду помнить, какими они были раньше.

Для своих творцов время всегда делает исключение из правил.

Но и я поставила совету свои условия. Отцу предоставят полную свободу в его разработках и поправят здоровье няни. В последнее время та плохо себя чувствует, а корпорация с ее возможностями в разных областях сможет продлить ей жизнь.

И теперь мне всего лишь нужно идти именно по этому пути, чтобы те люди, которых я знаю, остались прежними. Если я не сделаю того, что предначертано, моя реальность исчезнет.

Ничего страшнее и представить нельзя!

* * *

Александр Иванович Орлов

После того как дочь выбежала из гостиной, мы с женой некоторое время молчали. Каждый думал о своем, и, как оказалось, наши мысли текли в разных направлениях.

— Вот упрямая девчонка, — пробормотала Наталья, сидя в соседнем кресле около камина.

— Что ты имеешь в виду? — повернулся я к ней.

— Она закрылась в своей обиде на нас и не хочет ничего слышать!

— А что именно она должна услышать? — тихо поинтересовался я, внутренне начиная закипать.

— То, что мы ей говорим. У нас за плечами жизненный опыт. А она ничего еще не понимает!

— Это ты ничего не понимаешь! Чем ты можешь ей помочь? Зря я тогда пошел у тебя на поводу. Нужно было остаться с дочерью и утешить ее, помочь. А ты бросила ее и занималась только Светланой! И посмотри, кого ты вырастила!

— Ах, какая я плохая!.. Значит, я во всем виновата? Да она никого к себе не подпускала! Сейчас, впрочем, тоже. Она замкнулась, до нее не достучаться.

— Если бы меня так отослали, я бы на ее месте тоже к тебе не подошел!

— Так было лучше для нее!

— Ну и кому ты сделала лучше?! — я вскочил с кресла.

— Думаешь, в твоей корпорации ей будет хорошо?! Да ей через такие ужасы придется пройти! Кем она после этого станет? Ни дома, ни детей, и для общества «белая ворона». Сотрудники Лемнискату всегда выделяются, а творцы — и подавно. Мужчине это простят, женщине — нет! Я думаю о своем ребенке, всегда думала!

Глядя на Наталью, я подумал, что она за последнее время постарела лет на десять.

— Ты даже не понимаешь, какие силы таятся в твоей дочери, — устало проговорил я.

— А ты не представляешь, как тяжело ей придется. И она не представляет!

После этого жена покинула комнату, а я, сев обратно в кресло и уставившись на огонь, пробормотал:

— Но у нее нет выбора. У них его никогда не бывает...

Ольга Орлова

На следующий день после разговора с родителями был мой первый день работы на творцов.

Сначала мне показали комнату в здании Лемнискату, которую закрепили за мной на случай моего приезда в город. Из-за излишне напряженной обстановки в семье я решила переехать сюда сразу. Не сомневаюсь, корпорация подыщет правдоподобную причину, почему я на некоторое время покинула дом. И, скорее всего, это будет моя учеба в каком-нибудь респектабельном пансионе.

Следующее, что мне предстояло сделать, так это явиться пред светлые очи главы отдела творцов — Минаре Корнейси.

Сложно было определить, какой он национальности, но при близком рассмотрении он оказался еще эффектнее, чем я запомнила по собранию.

Темные каштановые волосы выгодно оттеняли выразительные глаза, тонкие черты лица и молочного оттенка кожу. Настоящий аристократ, хотя в отношении мужской привлекательности до Разинского ему далеко.

Одевался Корнейси во все зеленое (то ли в цветовой гамме своего отдела, то ли просто нравился цвет), а вот манерами не блистал. Как и Алексей. Уж не знаю почему, но я постоянно их сравнивала.

Может, из-за того, что оба были примерно одного возраста — около тридцати пяти лет. И если для главы творцов это был уже зрелый возраст, то для творца — только начало молодости. Один из наших плюсов — живем мы долго.

Обо всем этом я думала, сидя в приемной и ожидая встречи с этим человеком. Минут пятнадцать назад он пробежал мимо меня, даже не поприветствовав. Куда я попала?!

В этот момент подошли два моих коллеги.

Джеймс спокойно поклонился мне и поцеловал руку. Разинский поприветствовал так же, но с какой-то издевкой.

Я, проигнорировав его, предложила Джеймсу присесть рядом с собой. Алексей же устроился без приглашения, подле меня с другой стороны.

— Как вы себя чувствуете, мадемуазель Орлова? — поинтересовался второй творец.

— Прекрасно, спасибо. Кстати, можете называть меня по имени. Мы же коллеги...

— А мне тоже можно называть вас по имени? — встрял Разинский.

— Конечно, — холодно улыбнулась я.

Но дальше продолжить столь беспардонно начатую беседу нам помешала открывшаяся дверь кабинета.

От нашего начальника вылетел директор по финансам, который непонятно как оказался в кабинете (мимо меня вроде не проходил), и в гневе понесся по коридору. Похоже, Корнейси пользуется популярностью.

— Заходите, — процедила секретарша, больше обращаясь ко мне.

Мы поднялись и направились в кабинет. По центру стоял большой резной стол из черного дерева, а напротив него — два кресла.

Но начальник пригласил нас присесть на кожаный диван, расположенный около стены с большой картиной. И стоило мне опуститься на него, как мужчины вновь устроились по бокам от меня.

Непривычно, неудобно...

Корнейси сел напротив.

— Мадемуазель Орлова, будете чай? — предложил он.

— Нет, спасибо.

— Брезгуете? — криво усмехнулся глава творцов.

— Нет. Боюсь, ваша секретарша меня отравит.

Все мужчины разом заулыбались.

— На это она не пойдет. К тому же именно с этой девушкой вам не придется много общаться, в Цитадели у меня другая секретарша, — успокоил меня начальник.

— В Цитадели? — переспросила я.

— Цитадель — главное здание корпорации, где, собственно, все и происходит. Ученики ничего о ней не знают. В сердце корпорации попадают только люди, поступившие в Лемнискату на постоянную работу.

Пока я обдумывала информацию, Корнейси продолжил:

— Ольга, я подозреваю, что вы не боитесь физического воздействия на себя. Ведь так?

И неожиданно в мою сторону полетел какой-то предмет. Инстинктивно я вскинула руки, пытаюсь защититься. Но удара не последовало: что-то тихо упало на пол.

Открыв глаза, я увидела карандаш.

— Очень интересно... А ты опять оказался не прав, Алексей.

Разинский хмуро посмотрел на меня и промолчал.

В следующий момент ко мне метнулась тень, и я, закрываясь, опять рефлекторно вскинула руки. Раздался глухой удар, стон...

Чуть приоткрыв один глаз, я увидела кровь, капающую из носа главы творцов на его рубашку, а сам он сидел на полу и задумчиво смотрел на меня. Точно так же смотрели и коллеги.

— Неосознанная реакция силы замечательная... — пробормотал Корнейси, кашлянул и спросил уже в полный голос: — Мадемуазель Орлова, может, теперь, когда вы не перед советом тринадцати, расскажете, почему в свое время и не попытались настоять, что у вас генная мутация? Почему столько лет молчали? Пусть не с первого и не со второго раза, но вас бы услышали.

Какие мы хитрые! Неужели он думает, что я буду полоскать при нем свое семейное белье? Нет, мне в свое время бабушка хорошо объяснила, что в нашем обществе можно делать, а что категорически нельзя. Невзирая на либеральные взгляды Лемнискату.

— Я обиделась и решила: вам же хуже, — я пожала плечами и перевела взгляд на окно.

— Прочитав вашу характеристику и понаблюдав за вами, могу сообщить, что мстительность вам не свойственна. Значит, вы лжете, — озвучил свои выводы Корнейси.

Когда это он успел за мной понаблюдать?

— Человеческая природа часто преподносит сюрпризы. Вы не знали?

— Не в вашем случае. Несмотря на свой юный возраст, вы — сформировавшаяся личность. Я бы сказал, самодостаточная. И практически с десяти лет не живете со своей семьей. Что же заставило вас так поступить и почему вы так рано повзрослели, а, мадемуазель Орлова?

— Месье, вы позвали меня только для того, чтобы выяснить ответы на эти вопросы? — я встала. — Так я вам уже на них ответила. Можно идти?

— И зубки есть, неплохо, — пробормотал Корнейси, с трудом поднимаясь с пола.

Я бросила растерянный взгляд на Джеймса.

— Не обращайтесь внимания, Ольга. При нашей первой встрече он хоть и не был главой, но пытал меня так же. И Алексея. С вами он еще мягок.

— А, пожалуй, я вас тоже буду Олей звать, — усмехнувшись, заметил глава.

Небывалая дерзость!

Недовольно посмотрев на руководителя, я плюхнулась обратно. Хотя, конечно, благовоспитанной барышне так садиться не пристало.

Тем временем Корнейси обратился к мужчинам:

— Я всегда строг с творцами, особенно с теми, у кого первая степень мутации. Вы — как гении. Вам нельзя позволять лишнего и баловать.

В этот момент в мою голову закралась мысль, что начальник — сумасшедший.

— Еще один вопрос к вам, Ольга.

Я замерла, приготовившись услышать что-нибудь неприятное.

— Что вы знаете о корпорации?

Настороженно посмотрев на слушателей, я нерешительно начала:

— Лемнискату — крупная экономическая организация, действующая во временном пространстве. Она возникла в шестьсот тридцать первом году, и только в тысяча восемьсот девяностом году Лемнискату заявила о себе во всеуслышание. Ее цель — помочь правительству сделать общество стабильным, зажиточным и благополучным. На самом же деле влиятельные люди платят большие деньги, чтобы корпорация помогла им приумножить их состояние. Но Лемнискату не только выполняет оплаченный клиентом заказ, она вплетает изменения в экономику подвластных территорий, делая ее сильнее и тем самым усиливая свое влияние.

Корнейси одобрительно кивал, и я почувствовала себя немного смелее.

— Это благоприятно сказывается как на богатстве страны, так и на уровне жизни всего населения. Если буржуазия богата, то и простые рабочие живут в достатке.

— Я бы с этим поспорил, — заметил Разинский, и в его глазах мелькнул зеленый всполох.

Или мне показалось?

— Ты не прав. Для большинства случаев данное утверждение верно, — возразил Джеймс.

— Что помогает корпорации зарабатывать деньги? — лукаво улыбнулся руководитель.

— Отдел аналитиков! — улыбнулась я в ответ. — Они просчитывают, что и в какой отрасли надо поменять, чтобы добиться нужного заказчику результата. Для стопроцентного результата Лемнискату отбирает лучших специалистов.

— И тогда в дело вступаем мы, — жизнерадостно подхватил Разинский. — Узнав конечную цель и что конкретно нужно сделать, мы прыгаем в прошлое и создаем новое будущее.

— Но как вы не опасаетесь того, что можете изменить свое настоящее? — задала я наиболее тревожащий меня вопрос.

— Ольга, примите как аксиому. Пока человек не знает свою судьбу, он всегда поступит так, как и должен был. Что бы он ни сделал. Это закон времени, — пояснил Корнейси. — У вас очень обширные познания в области работы корпорации, но другого от почти аналитика я и не ожидал. Но о творцах, держу пари, вы знаете меньше.

Глава отдела переглянулся с Разинским.

— Творцы — это люди, которые благодаря генной мутации получили

сверхъестественные способности, — заговорил Алексей. — Мутация бывает трех степеней. Проще всего людям с третьей степенью. У них дар проявляется в виде тошноты, после которой человек либо совершает прыжок, либо нет. Они не знают, чего лишатся, если не смогут совершить свое первое перемещение.

— Такие творцы появляются на свет каждый год, — пояснил Корнейси. — Но за один год на три корпорации рождается не более ста человек. Они могут прыгать на небольшой отрезок времени — от одного до шести месяцев — и оставаться в прошлом или будущем не более полутора часов.

— А вот генная мутация второй степени, на мой взгляд, самая жестокая, — вклинился Джеймс. — У этих творцов также появляется тошнота и боль в теле перед прыжком, и, так как их дар сильнее, они без проблем попадают в прошлое или будущее. Но творец должен суметь вернуться обратно. Не сумеет — обречен скитаться в прошлом примерно год, после чего будет выброшен к моменту прыжка обычным человеком, и мутация перестанет проявлять себя. Испытать ощущение перемещения, увидеть другое время и потом лишиться дара — что может быть хуже?

Я не могла не согласиться.

— Зато и прыгать они могут в будущее так же, как и творцы третьей степени, а в прошлое — на отрезок времени не более ста пятидесяти лет, — подхватил эстафету Разинский. — При этом лимит пребывания на один прыжок — не более четырех часов. Такие творцы рождаются раз в три поколения и не более десяти человек на три корпорации.

Я затаила дыхание, уже зная, о ком сейчас услышу.

— И, наконец, творцы первой степени. Они, как и остальные, испытывают тошноту, неприятные ощущения в желудке, как при сильном перемещении организма вверх или вниз, но дар у таких, как мы, всегда очень силен, и человек должен суметь подчинить его себе, иначе мутация его убьет. Все это сопровождается температурой, сильными болями во всем теле и даже временной слепотой. За сильный дар нужно платить высокую цену...

— Первая степень генной мутации дает людям возможность путешествовать в прошлое на любой отрезок времени и находиться там за один прыжок до двенадцати часов. В будущее творцы первой степени прыгают так же, как и все. Рождаются они раз в пятьдесят — сто лет, но ищут их постоянно и очень тщательно, — грустно вздохнул Джеймс.

Я сидела несколько подавленная большим потоком информации. Такое в книжках не прочтешь. Сейчас я за пять минут узнала больше, чем за все время многолетних поисков.

— История течет неторопливо, — усмехнулся Корнейси. — Творцы третьей и второй степеней поддерживают ее в нужном русле. Но только творцы первой степени могут кардинально менять историю. Теперь ты понимаешь, насколько ценна для Лемнискату?

Понимаю, хотя лучше б не понимала.

— Вопросы? — приподнял брови глава творцов.

Я отрицательно мотнула головой.

— Что ж, а теперь обсудим планы на ближайшее будущее...

В загадочную Цитадель, о которой все столько говорили, я отправлялась в тот же день, но когда я увидела тот транспорт, на котором мне предстояло путешествовать, то весьма удивилась.

Эту модель автомобиля только совсем недавно собрали на одном из заводов, принадлежащих царской фамилии. И, как писали газеты, этот транспорт предназначался в

основном для военного ведомства, штабов и высших чинов.

Автомобиль носил странное название «Промбронь-1» и, к моему облегчению, был с закрытой верхней частью, в отличие от тех машин, на которых любят развезжать наша аристократия и представители состоятельных слоев населения.

Похоже, корпорация любит и стремится получать все самое новое в любой области науки или промышленности.

Ехали мы долго, из чего я заключила, что Цитадель находится явно не в нескольких километрах езды от города. С легкой усталостью я откинулась на кожаные сиденья, рассеянно глядя в застекленные окна автомобиля.

Судя по иногда петляющим и размытым дорогам, мы двигались в сторону Финского залива. А вскоре я поняла, что проезжаем Выборг — один из самых старинных и загадочных городов в этой части России.

Преодолев его, мы успели удалиться на несколько километров в сторону полей, когда кое-где начали появляться большие камни, а потом машина выскочила на плоскогорье, которое пересекала быстрая, но довольно широкая река.

Когда мы прибыли на место, солнце уже практически село за горизонт. Выйдя на свежий воздух и с облегчением разминая ноги, я посмотрела вокруг и затаила дыхание.

Посреди реки на плоскогорье высился замок, который, казалось, весь состоял из множества крупных и мелких башенок, увенчанных каменными резными куполами, сейчас освещенными красноватым светом уходящего за горизонт солнца. Каждая башня была индивидуальна и в то же время не выбивалась из общего стиля. Словно вылепленные из песчаника и крупной гальки, они напоминали серые круглые колонны. Под куполом каждую башню опоясывали балконы с резными арками.

Вообще, мне показалось, что архитекторы и строители этого великолепия специально соединили здесь разные стили и направления — величие Альгамбры и Софийского собора, красоту и четкость линий немецких замков и костелов, монументальность египетских храмов и таинственность и загадочность каждого из тех мест, где сосредоточены природные силы.

Здесь все буквально дышало опасностью и тайнами, было пропитано ими. Даже река, столь стремительно несущая свои воды к Балтике и огибающая замок, словно где-то просачивалась сквозь стены, образовав водопад в его центральной части.

Башни полукругом высились по берегу естественного водоема, а над его поверхностью в месте, куда падали мощные струи водопада, курился легкий водяной туман.

— Ольга Александровна! — громко окликнули меня.

— Да?

— Пойдемте. Здесь охрана, я должен сдать вас с рук на руки.

В ответ на эти слова я удивленно приподняла бровь и последовала за охранником, зашагавшим впереди с моими вещами.

Мы шли по мощенной камнем дорожке в сторону серой крепостной стены, но только когда достигли ворот, в которых виднелась небольшая дверь, я увидела на старом здании признаки и нашего времени.

Более искусно изготовленная отделка и петли двери, хорошо подогнанные доски и современный замок.

Охрана, услышав, кто прибыл к ним в гости, засуетилась. Мне тут же оформили пропуск и отвели к распорядителю. Как я поняла, он отвечал за все бытовые и организационные

вопросы.

— Мадемуазель, — поклонился молодой человек с заячьей губой и красивыми глазами.

О чем я и ляпнула, не подумав.

Георгий Ретнаух, как он представился, весь залился краской и посмотрел на меня с обожанием. Я насторожилась. Только романтических чувств мне сейчас и не хватало для полного счастья!

Но, наверное, я ошиблась в своем предположении, так как, пока юноша провожал меня наверх и показывал мне мои шикарные апартаменты, он ни словом, ни взглядом не дал мне понять о своей симпатии.

Вот и славно!

* * *

Первые дни в корпорации пролетели для меня как один миг. Я много общалась, много знакомилась с новыми людьми. Атмосфера отдела творцов отличалась меньшей субординацией и большей душевностью.

Естественно, в первую очередь у меня проверили навыки, умения и образованность. Все это было вполне предсказуемым, но были и знакомства, особенно мне запомнившиеся.

Одним из таких стало общение с мастером культуры.

Зайдя в небольшой бальный зал с драпировками и камином, я огляделась в поисках преподавателя.

— А вот и наш третий творец! — послышалось за моей спиной.

Обернувшись, я увидела высокого сухопарого мужчину с довольно некрасивым лицом.

— Добрый день, господин...

— Добрый, добрый, — отозвался он, описывая вокруг меня круги.

— Ну что ж. Меня зовут мастер Горден. И не окажете ли вы мне честь потанцевать со мной? — учитель предложил мне руку.

Растерявшись, я проямлила:

— Э-э... с удовольствием.

Наш танец без музыки начался с обычной кадрили, но потом, прямо во время очередного пируэта, Горден перешел на менуэт, потом на павану, потом на бранль — и так далее, по всем временам и народам.

И так, перескакивая с одного танца на другой, мы кружились, подпрыгивали, кланялись, а я прикладывала все свои усилия, чтобы пройти этот своеобразный экзамен наилучшим образом.

Впервые за много лет я была благодарна месье Лурье за его настойчивость и терпение при работе со мной.

Примерно через полчаса мое истязание закончилось, и мне вынесли вердикт:

— Ну что ж, очень, очень прилично. Право слово, не ожидал подобного от отдела аналитиков. Обычно их ученики пренебрегают танцами. А вы, видимо, довольно скрупулезно занимались ими. Почему? Любите потанцевать?

— Нет, мастер, просто мы с месье Лурье поспорили.

В глазах мастера загорелся огонек любопытства.

— Да? И на что же?

— Он обучает меня игре на скрипке, а я учусь танцевать.

Огонек любопытства превратился в настоящий пожар.

— Вы играете на скрипке? — приподнял брови Горден. — Продемонстрируйте!

— У меня нет с собой инструмента, — растерялась я.

— Пойдемте же! — воскликнул мастер и припустил куда-то, таща меня за собой.

Еле поспевая за преподавателем, я практически бежала, и скоро мы оказались в небольшой комнатке, заставленной футлярами. Остановившись, Горден махнул рукой вправо:

— Выбирайте. Скрипки вашего размера здесь.

Пройдясь вдоль ряда, открывая все футляры подряд и примериваясь к инструментам, я остановилась на небольшой скрипке синего цвета. Подтянула смычок, нанесла канифоль и коснулась им струн, настраивая инструмент.

И вот — как всегда, когда я начинала играть, — забыла обо всем. Водоворот мелодии и рождаемых ею ощущений захватил меня и закружил, поднимая все выше и выше. Всю любовь, что хранилась в моем сердце, всю нежность и идеалы, все свои чувства я выплеснула наружу.

Когда мелодия закончилась, я опустила скрипку, нашла глазами мастера и увидела, что он сидит неподвижно, уставившись на меня.

— Мастер, с вами все в порядке?

Через мгновение очнувшись, Горден подошел и поцеловал мне руку.

— Я восхищен, — просто сказал он. — Вы потрясающе играете.

— Спасибо, — покраснела я.

Любая похвала, связанная с моей страстью к музыке, для меня всегда более желанна, чем что-либо еще.

— Но не стоит, мастер. Я только играю, но не могу сочинять.

— Зато у вас есть другие таланты. Вы бы видели, как сияет вокруг вас пространство во время музицирования!.. А все и сразу нам никогда не дается.

Упоминание о моей генной мутации снова вернуло с небес на землю.

— На чем вы еще умеете играть? Все-таки скрипка не совсем женский инструмент.

— На рояле, но совсем немного.

— Достаточно, чтобы не опозориться?

— Да, мастер.

— Вот и хорошо. В общем, мне с вами заниматься нечем, о чем я и сообщу Корнейси. Могу только пожелать вам удачи. Она вам понадобится.

* * *

Алексей Разинский

Я стоял на террасе и смотрел вниз на бурлящие потоки воды, что мчались через Цитадель и вновь вливались в реку.

Мне просто необходим был свежий воздух. Внутри все бушевало от непонимания и злости.

— Что ты переживаешь? Ну что такого случилось? Почему появление нового творца вызвало у тебя такую реакцию?

— Потому что мы ожидали помощи и поддержки, а получили обузу на свою шею! И без нее нормально бы справились. Все же идет хорошо.

— Обузу мы получили благодаря тебе. Плюс еще она и пострадала из-за тебя больше всех. Твоя излишняя самоуверенность в то время не только нам, но и ей дорого обошлась. И сейчас ты совершаешь ту же ошибку. Я понимаю, она задела тебя: живое напоминание о твоей ошибке и фиаско. Но ты ведь не маленький!

— Ты что, защищаешь ее?! — я не поверил своим ушам.

— Алексей, уймись! Она вполне хороша для женщины из высшего общества. Не жеманница, не истеричка и весьма рассудительная.

— И когда же ты смог узнать о ней это? — ядовито спросил я.

— Слушал ее, пока ты изволил гневаться, и навел кое-какие справки. Безусловно, она тебя задела и попала авторитет, но не нужно впадать в крайности.

Только я хотел ответить, как послышалась дивная мелодия. Кто-то играл на скрипке — и играл просто восхитительно!

Мелодия текла, обволакивала сердце, рассказывая о любви, нежности, преданности и преклонении... Такое великолепное исполнение я слышал только раз, когда-то очень давно, у одного юноши на улице. Хотя эта мелодия даже лучше: она такая родная, будто часть меня.

Некоторое время мы с Джеймсом стояли словно громом пораженные и в восхищении внимали. Едва стихли последние звуки, как я понял одну истину.

— Джеймс, кажется, я только что влюбился...

— Что? В кого? — подозрительно поинтересовался друг. — Здесь никого, кроме нас с тобой, нет.

— В ту, что сейчас играла на скрипке. Откуда доносился звук?

— Сложно сказать, — растерянно произнес Джеймс. — Из-за шума воды и эха точно не определить. Да и с чего ты взял, что это она? Может, он?

— Нет, это определенно женщина, женщина всей моей жизни. На ней-то я и женюсь. Слово даю!

— Друг, у тебя помутился рассудок. Сначала Ольга, теперь эти безумные умозаключения... Кстати, она тоже неплохо...

— Знать ничего не хочу про эту дуру! — приподнял ладонь я. — Терпеть ее буду, но не более того.

И, не слушая друга, направился вниз. Нужно узнать, кто играл эту прекрасную музыку.

* * *

Ольга Орлова

Настоящим испытанием для меня стал тест по фехтованию. Мастер по данной дисциплине оказался гибким испанцем с насмешливыми глазами и дерзкими манерами.

Увидев меня, он всплеснул руками и заговорил на идеальном русском:

— Кого это ко мне привели? Прекрасный цветок!

Я против своей воли покраснела.

— Меня зовут Диего Родригас, и я буду счастлив иметь такую ученицу, — продолжил мастер, подмигнув мне.

Этот очень обаятельный человек просто притягивал к себе взгляд. И, как мне кажется,

был большим дамским угодником.

— Что мы уже умеем? — цепко присмотрелся он ко мне.

— Я... немного фехтую.

— Немного для отдела аналитиков — это уже хорошо. Что ж, давайте посмотрим ваши умения в действии.

После этих слов я выбрала себе шпагу полегче, с закрытым эфесом. С защитой я справилась вполне успешно, но вот об атаке и речи не шло.

— Что ж, действительно немного. Но для женщины достаточно. Что насчет сабли?

Пожав плечами, я ответила:

— Знаю только основные движения.

— Хорошо, хорошо... — задумчиво проговорил мастер. — Мы попробуем другой вариант.

— Какой? — заволновалась я.

Мне очень не хотелось учиться обращению с еще каким-либо оружием. Не любила я его.

— Вы будете учиться пользоваться ножами, стрелять из различных видов стрелкового оружия... и, конечно, освоите яды. И не нужно кривиться. Это здесь вас защищает корпорация, а в прошлом вам нужно будет суметь постоять за себя самой. Любую ситуацию вы должны уметь использовать с выгодой для себя.

— Но если речь идет только о защите, то зачем мне яд? — недоуменно возразила я и, заметив, как мастер отвел глаза, спросила: — Или не только для защиты?

— Это нужно спрашивать у вашего руководителя. Я со своей стороны могу только сообщить, что наши занятия будут ежедневными.

Поняв, что отказаться мне никто не даст, я обреченно вздохнула.

— Вот и прекрасно. Но главное внимание мы уделим ножам. Они универсальны для любого времени, не требуют особенной силы и очень эффективны для женщины. Ну, и, конечно, яды.

Вскоре после того, как завершилось мое тестирование и я с замиранием сердца ждала первое задание, благодаря Корнейси мне преподали очень хороший урок.

Как-то он вызвал меня к себе в кабинет, где уже ждал Разинский, мрачный и неразговорчивый. Ответив на его скупое приветствие, граничащее с невежливостью, я повернулась к руководителю. Судя по всему, они оба были в дурном расположении духа, и мне совсем не хотелось попасть между молотом и наковальней.

Не знаю, правдивы ли были слухи об их родстве, но они наполняли меня любопытством каждый раз, когда я наблюдала общение этих, возможно, братьев.

Как в воду глядела.

— Мадемуазель Ольга, во избежание провала возможных заданий я хочу, чтобы Алексей показал вам неприятные стороны жизни, с которыми вы, в силу своего общественного положения, практически не сталкивались.

Да что ж это такое?! Они считают меня совсем наивной?

— Вы считаете, что...

— Да, я считаю это необходимостью, — резко произнес Корнейси.

Тон главы творцов меня задел, и, поджав губы, я просто кивнула. Ну что ж, раз начальство так хочет...

— Когда намечается наш урок?

— Сейчас, — коротко ответил руководитель.

Повернувшись к Разинскому, я выжидающе на него посмотрела. Тот подошел и, явно поддевая Корнейси, спросил:

— Не окажется ли госпожа мне честь прогуляться со мной по значным местам города?

Язвительность в голосе творца сквозила неприкрытая, и смотрел он в это время прямо на Корнейси. Тот не отрывал глаз от бумаг на столе.

— Конечно, ваше сиятельство! Для меня это большая честь, — в тон ему ответила я.

И, уже выходя за дверь, услышала замечание Корнейси:

— Не творцы — клоуны какие-то! Безобразие...

Улыбку я сдержать не смогла.

До города мы добирались наедине с Разинским, что в высшем обществе посчитали бы неприличным, но для Лемнискату было совершенно естественным. Деревья и поля мелькали за окном, пока карета мчала нас вперед. Странно, неужели Разинский так спешит?

Едва мы въехали в город, Алексей приказал свернуть. Услышав, что мы едем в бедные районы, я напряглась.

— Не беспокойтесь, Ольга, я смогу вас защитить. Но не лишним будет набросить плащ.

Накинув невзрачную темную одежонку, я замерла. Идти в подобные места было страшновато.

— Впрочем, вы и сами о себе способны позаботиться. Не так ли? — усмехнулся творец.

Отвечать ему я не стала.

За последнее время я очень устала морально, и вступать в спор совсем не хотелось. Ехать нам еще прилично, а отношения у нас и так непростые.

Когда карета остановилась, на улице уже стемнело. Алексей помог мне выйти и обвел рукой темный, мрачный и, на мой взгляд, подозрительный переулок.

Осмотревшись, я передернула плечами.

— Ну что, Ольга, начнем экскурсию для ознакомления с тем, с чем вам, возможно, придется столкнуться при нашей работе?

Я кивнула.

Взяв меня под руку, Разинский направился вперед, вдоль переулка.

— Пожалуй, начнем со страха. Он — постоянный спутник работы творца. Страх перед неизвестностью и опасностью вы уже преодолели. Этому поспособствовали годы самостоятельных прыжков и динозавр.

— Кстати, о нем, — заметила я, оглядываясь по сторонам. — Мне говорили, что в прошлом и будущем нас не видят, тогда почему та ящерица пыталась меня убить?

— Прекратите озираться. Вы привлекаете к нам лишнее внимание.

Я тут же уставилась прямо перед собой и постаралась перестать нервничать. Мы с Алексеем шли вдоль темных улиц, сворачивая из одного переулка в другой. Казалось, им конца-края нет.

— Динозавр — хищник. Да, он не видел вас, но чуял. К тому же вы прыгали слишком далеко в прошлое, там законы времени мало кому известны, — пояснил Разинский.

Тут мы вышли на большую центральную площадь бедного района.

— Здесь лучше всего можно увидеть людской страх. Смотрите на людей, Ольга. Тут все чего-то боятся. Кто-то — насильственной смерти, кто-то — смерти от болезни и голода... И многие к этому привыкли.

Глядя на людей, я видела печальную мать, баюкающую ребенка, стайки грязных детей,

женщин, продающих себя...

— Это ужасно, — с трудом прошептала я: горло сдавил спазм.

— Здесь многое видят и терпят. Но, познав и бедность, и богатство, могу сказать, что люди, которых вы видите, счастливее богачей. И они не настолько жестоки. Беднякам нужно просто научиться жить по правилам. В высшем же обществе нужно научиться выживать.

Я молчала, вынужденная признать его правоту, и лишь искоса на него поглядывала. Глаза Разинского светились зеленым цветом и переливались, словно расплавленный металл. Неужели и у меня так?

— Что вы коситесь, Ольга? Думаете, я заблуждаюсь по поводу того, что вас уже посвятили в историю моей жизни?

— Я не уверена, что это нужно обсуждать...

— Вы теперь имеете доступ ко многим тайнам... Но мы отвлеклись. Пойдемте просто погуляем по дну общества. Вы сами все увидите.

— И как это поможет мне при выполнении заданий? — скептически спросила я, направляясь за ним.

— Творцам нужно знать все. Бедность существовала во все времена. Иногда людям живется чуть тяжелее, иногда — чуть легче. Но голод всегда правит среди людей.

— А что насчет высшего общества?

— Там присутствует голод другого рода. Наше с вами общество тоже не меняется. Людская природа та же из года в год.

Наблюдая за дракой в соседнем переулке, я спросила:

— И мы сможем противостоять этому в прошлом или будущем?

Разинский проследил за моим взглядом.

— Да, нас — и, думаю, даже вас — этому обучали. Но есть еще кое-что... В будущем мы обладаем большими сверхъестественными способностями, — склонившись чуть вперед, так близко к моему лицу, что это было практически на грани приличий, мужчина, понизив голос, добавил: — Там ощущаешь себя полубогом.

Рыжая прядь, выбившись из хвоста, упала на идеальное лицо, и я задержала дыхание от восхищения. Но уже в следующее мгновение мне предложили руку, и мы двинулись дальше.

Шагая с Алексеем по улицам, я видела грязь, насилие, жестокость. Но не видела безжалостности. Разинский прав: здесь люди живут не так сытно, как в высшем обществе, но проще, а главное — счастливее.

[Купить полную версию книги](#)